

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

Сравнение перспектив левых движений

Внимание всего мира было обращено на ошеломляющие перемены в коммунистических странах, но столь же важные, хотя и менее драматические сдвиги происходили в некоммунистических левых партиях. Хотя эти сдвиги не могли привлечь такого внимания, поскольку они не привели к революционным экономическим и политическим преобразованиям, в идеологическом отношении они весьма важны, так как в них проявляется отход от централистской перераспределительной доктрины демократической левой¹.
Ход этих перемен подтверждает вывод Пьера Моруа, премьер-министра первого правительства социалистического большинства во Франции, который заметил весной 1990 г.: "Мы полагали, что сможем найти третий путь, но оказалось, что его не существует"². В одной стране за другой социалистические и прочие левые партии в своей идеологии становятся на путь возвращения к капитализму. Это поправление, во многих странах зашедшее весьма далеко, находится в явном контрасте с поведением в последнее десятилетие нашей (американской. — Ред.) традиционно-умеренной левой партии — демократической. Хотя демократы находятся в оппозиции социализму и их партия функционирует в самом антиэтатистском обществе индустриального мира, они полевели, в прямую противоположность партиям, находящимся в других странах левее центра.

Настоящая работа начинается с обзора событий в мире социал-демократии и будет завершена постановкой вопроса о том, почему столь различно проходят перемены в сфере партийных принципов и программ в левых движениях Соединенных Штатов и других индустриальных стран³, чем можно объяснить эту загадку.

Начиная с Бад-Годесбергской платформы германской социал-демократии (1959 г.) и со все нарастающей скоростью в последнее десятилетие, большинство европейских левых партий переходит от традиционной для них защиты государственной собственности и господства государства в экономике к политике благоприятствования рыночной экономике, сокращения налогов, монетаризма, снятия государственного регулирования. Многие подчеркивают, что лучший способ поправить положение обездоленных членов общества — повышение эффективности хозяйства, а не политика перераспределения доходов. Индийский политолог Радхакришнан Найяр грустно замечает, что "лишь немногие из левых, во всяком случае, на Западе" ставят под сомнение веру в свободный рынок. "Центральная тема нынешних дискуссий в среде западной левой — как ей выжить в рамках либеральной капиталистической системы, которая теперь воспринимается как конечная цель". Историк-марксист Эрик Хобсбаум указывает: "Ныне лишь немногие социалистические партии счастливы, когда им напоминают об их исторической приверженности обществу, основанному на общественной собственности и планировании... В 80-е годы обнаруживаются (вероятно, впервые в истории) такие номинально социалистические партии, лидеры которых соперничают с госпожой Тэтчер в восхвалении преимуществ рынка и растущего социального неравенства ... В 1990 г. большинство социалистов конкурируют друг с другом в риторике о всеохватывающем рынке". Рассмотрим подробнее, насколько далеко зашли такие сдвиги, наблюдаемые почти в каждой демократической стране.⁸

Австралия и Новая Зеландия

Сравнительное повествование можно начать с Австралии, где лейбористская партия завоевала большинство в некоторых штатах уже в 90-е годы прошлого века. В течение последнего десятилетия лейбористская партия пре-

бывала у власти и в Новой Зеландии. Сформировав правительство в обществах, где существовала сильная приверженность к широким программам государственного социального обеспечения и к постоянному повышению заработной платы, лейбористы столкнулись с отрицательным воздействием, которое оказывают на развитие хозяйства высокие налоги, дефицит государственного бюджета, инфляция и постоянный рост ставок заработной платы. Лейбористское правительство Австралии под руководством премьер-министра Роберта Хоука и министра финансов Пола Китинга сократило ставки банковского процента и подоходного налога, проводило политику снятия экономического регулирования и сумело добиться соглашения с профсоюзами относительно ограничения роста заработной платы, так что реальная заработная плата ежегодно снижалась на IX с момента прихода правительства Хоука к власти⁷.

Хоук объездил весь мир в поисках инвестиций, объявляя повсюду, что его администрация проводит политику сокращения реальных доходов австралийских рабочих. Он провозгласил новое социал-демократическое евангелие, согласно которому капитал, необходимый для развития хозяйства, создает прибыли, сбережения и дивиденды, а не высокие налоги и ставки заработной платы. Хоук доказывает, что "если социал-демократическое правительство, такое, как его, намерено сделать для них (бедняков, остающихся за пределами процесса производства)... как можно больше, то нам надо иметь хозяйство, развивающееся как можно быстрее, и мне кажется, что в начальный период (лейбористского движения) некоторые не понимали этого... Надо быть идиотом или совершенно ослепленным предрассудками, чтобы не понимать: для того, чтобы иметь возможность заботиться о большинстве народа, нужен растущий и здоровый частный сектор"⁸.

Жалуясь на неоправданно жесткие налоговые структуры, созданные его предшественниками, Хоук заявляет: "чтобы дать частному сектору наибольшие стимулы для вложения капиталов и повышения занятости", необходимо отказаться от "ошеломляюще высоких налоговых ставок.

Лейбористы уже снизили предельную ставку налога от 60 до 49% и намерены снизить ее еще больше. Кроме перемен в сфере налогов... мы сокращаем регулирование хозяйства в целом⁹. О сокращении заработной платы Хоук говорит: "Главная причина того, что наше развитие идет такими быстрыми темпами, что темпы роста занятости у нас вдвое выше, чем в других индустриальных странах, именно в том и состоит, что австралийские рабочие согласились на понижение оплаты труда... Повышение удельного веса прибылей в национальном доходе за счет снижения заработной платы... дало нам возможность расти..."¹⁰

В сентябре 1990 г. Хоук и Китинг провозгласили программу приватизации отдельных секторов банковской системы, а также авиакомпаний и системы связи¹¹. Последовавшая затем партийная конференция одобрила эту политику, "официально отошла от приверженности к общественной собственности и обратилась к политике, характерной для раннего тэтчеризма".¹²

Нечто похожее произошло в Новой Зеландии. Вернувшись к власти в 1984 г., лейбористская партия, правившая до октября 1990 г., проводила самую тэтчеристскую политику из всех правительств Запада, не исключая самой Британии. В первый же год новая администрация "отменила всякий контроль над биржей, аннулировала все формы контроля над ценами, заработной платой, процентом по кредитам, ликвидировала большую часть субсидий для сельского хозяйства, промышленности и экспорта, введенных или повышенных при прежнем консервативном правительстве... Она...сократила все виды ставок подоходного налога. Лейбористское правительство демонтировало одно из старейших "государств социального обеспечения" в мире... Официальной целью политики правительства было преобразование новозеландской экономики с ее чрезмерным регулированием и высокими подоходными налогами в свободное рыночное хозяйство с низкими подоходными налогами и обеспечение возможности каждому предприятию стать открытым для внутренней и внешней конкуренции".¹³

Статья в социалистическом журнале отмечает, что

лейбористское движение сохраняет приверженность политике свободного рынка. В 1986 г. премьер-министр Дэвид Ланге доказывал, что "социал-демократы должны признать существование экономического неравенства, так как оно является двигателем экономики"¹⁴. Правительство отменило контроль за квартирной платой, ликвидировало надзор над банками, финансами и транспортной системой. "Почти все формы субсидирования сельского хозяйства были отменены... Контроль над транспортной системой упразднен... и слияния фирм, как правило, утверждались... С общим подходом ко всем программам социальной помощи было покончено, и главным объектом нападения стали нуждающиеся... Пересмотр налоговой системы покончил с традицией обложения в соответствии со способностью платить налоги". Многие государственные компании были приватизированы, в том числе авиакомпании, фирмы в отраслях лесного хозяйства, нефти, угля и электричества"¹⁵.

Хотя спад в экономике, связанный с общим состоянием мирового хозяйства, привел к снижению поддержки лейбористской партии со стороны избирателей, правительство продолжало следовать австралийскому образцу. В середине 1990 г. оно "заключило соглашение с Советом профсоюзов, согласно которому Совет должен был ограничить требования о повышении заработной платы на следующий год двумя процентами, что составляло менее половины уровня инфляции в текущем году". Председатель Совета профсоюзов назвал это "соглашением относительно стратегии экономического роста". Он сказал, что "это соглашение сохраняет существующие рабочие места"¹⁶.

Эти перемены не означают, что партия оставила свои социальные заботы. В комментарии еженедельника "Экономист" отмечается, что "Лонге хочет сделать Новую Зеландию богаче, чтобы иметь возможность потратить больше денег на то, что он считает социалистической миссией нового времени: улучшение образования, создание более чистой среды обитания, улучшение положения обездоленного маорийского населения"¹⁷. Кроме того он "установил гарантированный минимум дохода, первоначально определенный в размере 250 долларов в неделю на семью с

одним ребенком" ¹⁸. Лейбористы пытались также удержать за собой поддержку левой интеллигенции, противоборствуя ядерной энергетике и ядерному вооружению.

Южная Европа

Нечто подобное произошло и в других регионах. Оценивая положение социалистов в четырех южноевропейских странах (Греция, Италия, Португалия и Испания), Том Галлагер и Аллан Уильямс отмечают, что "к концу 70-х годов во всех партиях марксистские... положения программ были исключены, разбавлены, или же попросту игнорировались... Радикальные рецепты для экономики и политики перераспределения доходов или отсутствовали, или были переформулированы в духе оппортунизма. Но и при этом, какой бы ни была фразеология, на практике ни одно из социалистических правительств не пыталось проводить специфически социалистической хозяйственной политики" ¹⁹. Четыре партии, возглавляя правительства и "проводя конкретную экономическую политику, все до одной продемонстрировали немалую ортодоксальность: было сделано весьма мало попыток существенно перераспределить ресурсы в пользу рабочего класса или ограничить деятельность частного капитала по сравнению с капиталом, находящимся в общественной собственности". В Португалии, где консервативное правительство сменило в 1988 г. социалистов, правый премьер-министр "упрекал социалистическую партию за экономическую программу чрезмерного затягивания поясов" ²⁰. В Греции, где Паналлинское социалистическое движение (ПАСОК) находилось у власти в 1981-1989 гг., с 1984 г. также проводилась "программа экономии", согласно которой сдерживался рост доходов работающих по найму и одновременно давались налоговые льготы на новые вложения капиталов" ²¹. Рассмотрим подробнее, что происходило в Италии, где было социалистическое коалиционное правительство при сильной коммунистической оппозиции, и в Испании с ее социалистическим правительством большинства; здесь просматриваются многие характерные черты событий.

В Италии Беттино Кракси, лидер социалистической партии (СПИ), традиционно пребывавшей в меньшинстве, став в 1983 г. главой правительственной коалиции с участием христианских демократов, перевернул традицию этатизма, сохранившуюся со времен правления Муссолини. Христианские демократы, возглавлявшие более сорока правительств после второй мировой войны, расширяли общественные секторы хозяйства, делая упор на корпоративные и коммуналистские традиции. В 70-е годы Кракси в поисках особого пути для своей партии, которой приходилось соревноваться с огромной мощью христианских демократов, поддерживаемых церковью, и с коммунистами, опиравшимися на рабочий класс, модифицировал социалистическую идеологию партии. Партия быстро сдвинулась к "центру политического спектра", провозгласив себя "единственной современной" партией в стране и единственной партией..., которая может представлять все более многочисленные группы, возникшие на волне ускоренного развития экономики". К ним были причислены "весьма преуспевшие представители малого бизнеса, предприниматели и специалисты" ²². Правительство Кракси продержалось три года — рекорд для послевоенных режимов в Италии. Оно оставило по себе память тем, что начало процесс приватизации промышленности и принудило профсоюзы к серьезным уступкам. Оно уредило рост заработной платы, ввело контроль над забастовками и преобразовало систему социального страхования, "постепенно повысив пенсионный возраст и введя более жесткие критерии для пенсий по инвалидности" ²³. Был постепенно смягчен контроль над квартирной платой, чтобы создать в стране рынок жилья ²⁴.

СПИ в глазах избирателей настолько набрала силу, что теперь она угрожает господству КПИ в ее левых кругах. На муниципальных выборах в мае 1989 г. СПИ впервые после войны завоевала больше избирателей, чем коммунисты: 19,1% против 16,9% ²⁵. В 70-е годы КПИ собирала, как правило, около трети голосов, тогда как поддержка СПИ снизилась до примерно 10% голосов.

В связи со спадом поддержки избирателей и сокраще-

нием числа членов партии после высшей точки, достигнутой в 1976 г., итальянские коммунисты пытались повысить свою привлекательность в глазах общества, подчеркивая независимость от Советского Союза, приверженность к многопартийной плюралистической системе, одобряя членство Италии в НАТО и все больший отход от марксизма. Последнее проявлялось в откровенном признании преимуществ рыночной экономики, что произошло еще до прихода к власти Горбачева²⁵. В начале 1989 г. Даниэль Сингер отметил, что партия прекратила "нападки на капитализм". Во всем, кроме названия, она стала социал-демократической партией... и даже предложила покинуть коммунистическую фракцию в европейском парламенте в Страсбурге и перейти в социалистическую фракцию²⁷.

Акиле Окетто, секретарь КПИ, заявляет: "Мы не являемся частью международного коммунистического движения... От коммунизма, как от унитарной и органичной системы, не осталось ничего..."²⁸. Окончательной переменной был отказ от названия, и Окетто предложил "основать партию вновь", "под новым именем" и "вступить в Социалистический интернационал"²⁹. В октябре 1990 г. КПИ была переименована в партию демократической левой. Окетто доказывает: "Мы хотим демократии уже не как средства достижения социализма: достижение демократии как всеобщей цели необходимо само по себе. Если бы наша партия находилась в Америке, мы могли бы называть себя либеральной партией". Благожелательно отзываясь об американской политической системе, он определяет ее как "систему альтернатив, весов, сбалансированных с противовесами, которая позволяет решать моральные проблемы и решать их лучше", чем в Италии³⁰.

В Испании премьер-социалист Фелипе Гонсалес, избранный на третий срок в 1989 г., преобразовал свою партию, которая в первоначальный постфранкистский период была марксистской, в партию, поддерживающую приватизацию, свободный рынок и НАТО³¹. Несколько лет назад он почти в духе Черчилля заметил, что хозяйство свободной рыночной конкуренции отмечено жадностью и коррупцией и ведет к эксплуатации слабых, однако "капитализм —

наименее плохая система из всех существующих"³². В 1988 г., пытаясь оправдать акцентирование экономического роста, а не перераспределения, он отметил: "Моя проблема не в том, что есть богатые, а в том, что есть бедные"³³. Успешные попытки Гонсалеса создать условия для экономического роста и умерить инфляцию осуществлялись посредством политики, в результате которой его правительство "выглядело как находящееся где-то справа от правительства Тэтчер"³⁴. Эта политика включала "малые повышения заработной платы" и "жесткую монетарную политику", что привело к конфликтам с профсоюзами³⁵. После трудной победы на выборах в октябре 1989 г. Гонсалес вновь подчеркнул необходимость "придерживаться политики, привлекательной для испанских деловых кругов и иностранных инвесторов", чтобы продолжить развитие хозяйства страны высокими темпами. Намеченная цель была достигнута. Оценивая факторы, обеспечившие триумф социалистов на выборах, корреспондент "Нью-Йорк Таймс" Алан Рейдинг цитирует одного из ведущих промышленников: "Новая правая поддерживает социалистов. Они... полностью преданы идее рыночной экономики"³⁶.

Франция

Склонность к большей умеренности в области и идеологии, и социальных программ обнаружилась и на северной стороне Пиренеев и Альп. Во Франции социалисты "пришли к признанию того, что накоплению богатства должен отдаваться приоритет над перераспределением богатства в пользу менее зажиточных"³⁷.

Французская социалистическая партия (ФСП) под руководством Франсуа Миттерана пыталась в 1981 г. выполнить свои исторические обязательства в области национализации и перераспределения доходов, однако, обнаружив, что эти преобразования приводят к обратным результатам, к весне 1983 г. социалисты, по существу, отказались почти от всех предпочтений своего первоначального плана. Министр Жак Делор признал: "Социалисты находятся в процессе корректировки планов, кото-

рую правительство Барра (консервативная администрация, бывшая объектом нападков социалистов и побежденная ими в 1981 г.) не отваживалось осуществить по политическим и социальным соображениям⁴³. Национализация обернулась хозяйственной катастрофой. Столкнувшись с необходимостью конкуренции на международных рынках, правительство приняло программу контролируемой экономики. Привязка заработной платы к индексу цен была отменена, а это означало снижение реальной заработной платы и то, что все положительные результаты повышения производительности труда присваивались через прибыль⁴³.

В 1988 г. Миттеран был переизбран. Его новый премьер-министр Мишель Рокар, лидер социал-демократического крыла в партии, в своем подходе к проблемам политики и экономики был похож на Кракси и Гонсалеса. Он так же доказывал, что дорога к социальной и экономической справедливости вымощена капиталовложениями, которые поощряются понижением налогов. Рокар и его министр финансов Пьер Береговуа подчеркивали необходимость сдерживания роста заработной платы и вообще отбрасывали идею перераспределения доходов⁴⁴.

В 80-е годы социалисты отошли от своей исторической враждебности к бизнесу и пришли к признанию предпринимательства как силы, обеспечивающей рост производительности, чего государственная промышленность практически не обеспечивает: "Поняв однажды, что капиталистическая курица не автоматически сносит золотые яйца, социалисты начали пересмотр своих идей относительно предприятия, предпринимательства и прибыли"⁴⁴. Министр промышленности и исследований Жан Пьер Шевенманн отмечает необходимость отнестись к предпринимательству с тем уважением, на которое всегда скупилась в нашей стране⁴⁴.

На выборах 1988 г. Миттеран и Рокар предприняли необычный шаг, публично провозгласив, что для страны было бы плохо, если бы какая-либо одна партия, в том числе и их собственная, обладала большинством в парламенте при президенте из той же партии. Сам Миттеран заявил: "Правление лишь одной партии — нездоровое явление". По

существу, они доказывали, что центристское правительство предпочтительнее идеологического контроля. Рокар публично пообещал быть "открытым центризму"⁴³. Неудивительно, что результаты опросов показали: "в начале 90-х годов 61% французской общественности не видел никакого различия между правой и левой"⁴⁴.

Германия и Австрия

Социал-демократы Германии и Австрии отбросили марксизм в пользу скорее популистской, нежели классово-лояльной раньше, чем большинство их единомышленников на континенте. Как отмечалось выше, уже в своей Бад-Годесбергской программе 1959 г. они указывали этот путь другим секциям Социалистического интернационала. В недавно изданной истории Германии указывается: "программа представляла собой существенный сдвиг в философской направленности партии — от приоритета марксизма и марксистского решения проблем социально-экономической жизни к признанию достижений либерального капитализма... В итоге была отвергнута цель — установление государственной собственности на средства производства"⁴⁵. Политолог Рассел Дальтон отмечает, что "Карл Маркс был бы удивлен, прочитав Годесбергскую программу и узнав оттуда, что свободная хозяйственная конкуренция — одна из существенных предпосылок социал-демократической политики в области экономики"⁴⁶. В своей речи 1976 г. канцлер социал-демократ Гельмут Шмидт подчеркивал, что его партия заинтересована в увеличении прибылей предприятий. "Сегодняшние прибыли предприятий — это завтрашние капиталовложения, а завтрашние капиталовложения, это послезавтрашние рабочие места"⁴⁷. Возглавляя правительство в 1969-1982 гг., социал-демократы (СДПГ) не стремились к структурным или иным крупным реформам. Предполагавшиеся реформы, такие как отпуск с работы для получения образования и создание рабочими фондов капитальных вложений (как альтернатива национализации)... были, в основном, исключены из повестки дня правительства [Шмидта]. Для

урегулирования проблем национального долга правительство в начале 80-х годов приступило к рассмотрению вопроса о сокращении программ социального обеспечения для низших слоев населения и программ страхования по безработице; эти программы были приняты Христианско-демократическими преемниками СДП⁴⁸.

Покинув правительство, СДПГ приступила к переоценке своих идейных обязательств. В 1984 г. партийная комиссия, созданная для анализа перспектив "государства социального обеспечения", определила, что социал-демократы "смогут успешно защищать идею такого государства против его консервативных и либеральных критиков только в том случае, если они выступят с открытым призывом к его всестороннему преобразованию". Комиссия пришла к выводу, что "народное хозяйство не будет в состоянии обеспечить социальную политику, единственная цель которой — увеличить долю бюджетов социального страхования в национальном доходе". Даже простое сохранение существующей системы социальной помощи требует "существенного повышения налогов", и комиссия выразила сомнение относительно того, насколько это "возможно или желательно"⁴⁹.

В 80-е годы часть сторонников СДПГ поддержали на выборах "зеленых". В ответ на это партия на национальной конференции 1989 г приняла Берлинскую программу, которую "характеризовали как Бад-Годесберг плюс феминизм и экологизм"⁵⁰. В программе отмечалось, что в рамках демократически установившейся структуры рынок и конкуренция незаменимы. Бесчисленное разнообразие экономических решений успешно координируется через посредство рынка... Конкуренция дает преимущества потребителям в выборе на рынке. Рынок — инструмент, посредством которого достигается равновесие спроса и предложения⁵¹. Оскар Лафонтен, вице-председатель и кандидат партии на пост канцлера на выборах 1990 г, сторонники которого в основном принадлежат к "новому среднему классу", категорически заявил: "или вы упраздняете систему, или вы соблюдаете ее правила игры"⁵². Такая политика завоевала для СДПГ поддержку среди некоторых

"модернистов-предпринимателей". Среди них наиболее заметной фигурой является Эдвард Ройтер — председатель совета корпорации "Даймлер-Бенц ("Мерседес")", который регулярно платит партийные взносы.

Австрийские социалисты были у власти после второй мировой войны или единолично, или в коалиции с их главными соперниками. В результате национализации германского имущества после войны в стране оказалось больше общественной собственности, чем где-либо в Западной Европе. Однако национализированные компании функционировали как частные фирмы, отдавая должное эффективности капитальных вложений, торгам вокруг коллективных договоров с профсоюзами и дивидендам. Правительство не делало попыток планировать экономику⁵³. Независимо от итогов выборов деловые круги, профсоюзы и правительство придерживались политики корпоративного альянса, направленной на поддержание стабильности, избежание забастовок и поддержку экономического роста. Профсоюзы, связанные с партией, "приняли умеренные соглашения относительно заработной платы и тем помогли удержать себестоимость на более низком уровне"⁵⁴. Возглавляя правительство, партия "следовала политике, сердцевинной которой был экономический рост, а не перераспределение"⁵⁵. С середины 80-х годов, когда страна стала испытывать растущие хозяйственные трудности и стал расти дефицит бюджета, социалистическое правительство Франца Враницкого проводило политику постепенной денационализации и ослабления экономического регулирования⁵⁶. Банки и промышленные фирмы, находящиеся в собственности государства, или продаются частным компаниям, отечественным и иностранным, или их акции пускаются на котировку на австрийской и иностранных биржах. Сюда относятся энергетика, железные дороги, горнодобывающие отрасли, производство стали, пластмасс, а также предприятия других отраслей⁵⁷. Министр финансов Фердинанд Лацина сократил подоходные налоги и наставляет на реформе пенсионной системы, которая позволила бы ввести частные программы страхования⁵⁸.

Обе германоязычные партии продолжают придержи-

ваться ориентации на Бад-Годесбергскую программу. Они приняли жесткую монетарную политику Бундесбанка (которой следует и Австрия, так как австрийский шиллинг привязан к германской марке). Поскольку в Австрии существуют три крупных партии, перспективы правительства большинства почти нереальны, и поэтому внутренняя политика социал-демократов не намного отличается от политики их главных соперников — христианско-демократической и народной партий. По существу, национальные политические системы в обеих странах характеризуются конкуренцией между левоцентристами и правоцентристами. В Германии социалисты более критически относятся к тесному сближению с Америкой и больше поддерживают экологические реформы, нежели их главные оппоненты.

Скандинавские страны

Если мы обратимся к северу, к форпосту Европейского социализма — Скандинавии, то и здесь история повторяется. Наиболее сильная по способности мобилизовать избирателей партия — шведские социал-демократы, которые находятся у власти с начала 30-х годов (за исключением периода 1976-1982 гг.), резко изменила свою ориентацию на повышение заработной платы, высокий подоходный налог, крупные затраты на социальное обеспечение. По иронии судьбы, как замечает Ионас Понтуссон, "так называемые буржуазные партии — либералы, центр и консерваторы за три года пребывания у власти (1976-1979 гг.) национализировали больше промышленных фирм, чем социал-демократы за предшествовавшие 44 года. Вернувшись же к власти в 1982 г., социал-демократы предприняли ряд мер в направлении приватизации"³⁹. Кроме того, пишет Майкл Харрингтон, "с согласия профсоюзов [премьер-социалист] Пальме девальвировал шведскую крону, сделал экспорт более конкурентоспособным, сократил занятость и снизил реальные доходы работающих, большинство из которых голосовали за него. Однако в Швеции (как и в Австрии, проводившей сходную политику)

существует рабочее движение, которое ... подвержено "солидаристским ценностям", т.е. предпочитает провозглашать «общие интересы», нежели частные требования какой-либо группы работающих"⁴⁰.

В середине 60-х годов шведские социал-демократы решили передать средства от сбора налогов на корпорации в фонды взаимного финансирования, находящиеся под "рабочим контролем". Эти фонды должны были постепенно выкупить акции крупных компаний. "Таким способом фонды намеревались превратить в род децентрализованной общественной собственности, которая будет контролировать командные высоты в экономике шведских корпораций". Однако идея подверглась резким модификациям: "был установлен 8%-ный предел приобретения акций в каждой корпорации". Общественная дискуссия по этому вопросу показала, что население в целом настроено не в пользу этой идеи, "и даже те, кто голосуют за социалистов, нередко относятся к реформе отрицательно", так как опасаются слишком большого сосредоточения власти в руках государства"⁴¹.

Клас Эклунд, ведущий партийный экономист, в конце 80-х годов отметил: "Традиционная послевоенная стратегия социал-демократов утратила жизнеспособность. Она состояла в том, чтобы определить некую потребность, создать общественную службу для удовлетворения этой потребности, а затем повысить для этой цели налог"⁴². Партия проводила энергичную политику сокращения налогов, одновременно пытаясь сократить права на социальную помощь. Кель-Олаф Фельдт, который пребывал на посту министра финансов большую часть десятилетия, стремился резко сократить прогрессивный характер налогообложения в стране и подчеркивал необходимость "принять понятия частной собственности, стремления к прибыли и различий в доходах и благосостоянии". Он заявил в журнале социал-демократической партии: "Способность рыночной экономики к переменам и развитию, а следовательно, и к экономическому росту больше помогла победе над нищетой и борьбе с «эксплуатацией рабочего класса», чем какое бы то ни было политическое вмеша-

тельство в рыночную систему путем перераспределения⁶³. Фельдт ратовал за то, чтобы партия "не... стала партией антикапиталистической"⁶⁴. Поэтому он призывал к "большей ориентации на рынок" и настаивал на прекращении расширения системы социального страхования. Вследствие все большего числа жалоб на неудовлетворительное состояние здравоохранения, просвещения и детских садов, правительство стремится усилить дух конкуренции в сфере этих услуг, чтобы повысить качество и эффективность обслуживания. Некоторые социал-демократы предлагали приватизировать часть основной сферы услуг, включая больницы⁶⁵.

Эта ориентация отражается в шведской налоговой политике. Свен Стейнмо отмечает: "В Швеции... налоги на прибыли корпораций находятся в обратном отношении к норме прибыли и к размерам фирм. Иными словами, чем крупнее и прибыльнее корпорация, тем ниже ставка налога. В 1980 г. Швеция собирала налога на корпорации меньше, чем какая-либо другая страна Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В сравнении с этим другие налоги в Швеции весьма обременительны, таковы единый по ставкам подоходный налог (в среднем, 30%), национальный налог на добавленную стоимость (24%) и единый по ставкам налог на социальное страхование (36%)... К тому же социал-демократическое правительство особенно поощряет концентрацию капитала⁶⁶. Доходы, потерянные в 1990/1991 г. вследствие снижения ставок налогов на личные доходы и доходы корпораций, будут возмещены посредством распространения налога на добавленную стоимость "на более широкий круг товаров и услуг"⁶⁷.

Правительственная программа на 90-е годы предусматривает снижение ставок налога, уплачиваемого большинством шведов, включая зажиточные слои и корпорации, чтобы поощрить людей работать больше и больше инвестировать⁶⁸. Заместитель министра финансов Гуннар Лунд, отмечая "малое количество отработанного времени как главную причину экономических трудностей", настаивает на том, что "налоговая реформа должна стимули-

ровать людей больше работать и больше сберегать"⁶⁹. В октябре 1990 г., столкнувшись с трудными экономическими проблемами и падением курса валюты, правительство предложило резко сократить программы социального обеспечения, включая систему страхования по болезни, а также ограничить "долю национальных ресурсов, предназначенных для общественного сектора," и рост заработной платы⁷⁰. Не удивительно, что симпатизирующий этой партии английский аналитик замечает: "Столкнувшись с нынешними экономическими проблемами, социал-демократическое правительство, похоже, обнаружило, что некоторые принципы рейганизма-тэтчеризма необычайно удобны"⁷¹.

Норвежские социал-демократы, сформировавшие правительство меньшинства в октябре 1990 г. после года пребывания в оппозиции, пытались следовать политике шведских соседей. Прежнее правительство Партии труда воспрепятствовало увеличению заработной платы и девальвировало валюту, успешно сократив инфляцию (хотя показатель безработицы при этом удвоился)⁷². В 80-е годы партия "проводила программу «активной самокритики» в отношении своей (традиционной) идеологической системы", — пишет норвежский политолог Уильям Лафферти. — "Эта программа была нацелена на то, чтобы раз и навсегда отделить партию от языка и символики марксизма, сделать партию более гибким и компетентным универсальным инструментом для управления постиндустриальным и посткапиталистическим обществом". Лафферти предсказывает, что конечным результатом этого процесса будет то, что "капитализм больше не будут рассматривать как антитезу социалистическому гуманизму, рынок не будут рассматривать как нежелательное отклонение от рационального планирования...; классовые конфликты и классовые интересы не будут больше рассматривать как неизбежный и определяющий фактор..."⁷³.

Датские социал-демократы всегда были самыми умеренными и наименее "антикапиталистическими" в Скандинавии, отчасти вследствие более медленных темпов ранней индустриализации в стране и большей прием-

ственности доиндустриальных структур в ней⁷⁴. Госта Эспинг-Андерсен отмечает: "Вероятно, ни одна социалистическая партия не заключила мир с парламентской демократией и капитализмом в столь утонченной форме, как это сделала датская партия... Экономическая политика датской социал-демократии была отлита в либеральные рыночные формы"⁷⁵.

Великобритания и Канада

Британская лейбористская партия — самое значительное европейское движение левой оппозиции — три раза подряд терпела поражение на выборах от тори, возглавляемых Маргарет Тэтчер. До того, как Нейл Киннок привел партию в лагерь умеренной социал-демократии, в 1989 г. экономическая политика лейбористов была более этатистской и ориентированной на профсоюзы, чем политика какой-либо другой социал-демократической партии; она проводила и самую "голубиную" внешнюю политику. Сдвинув партию к центру, Киннок надеется собрать голоса раскольнических групп на правом фланге лейбористов.

В итоговой части двухлетнего политического обзора, опубликованного в мае 1989 г., лидеры партии отмечают, что "она отошла от своей приверженности к национализации старого образца и одностороннему разоружению и научилась любить рынок, потребителя и капитализм"⁷⁶. Еженедельник "Economist" отмечает, что "партия говорит языком Мишеля Рокара и Фелипе Гонсалеса"⁷⁷. Рынок ныне рассматривается ею как "главный двигатель экономической активности"⁷⁸. Дэвид Маркуан, духовный вождь демократической либеральной партии, который покинул либеральную партию как слишком левую, теперь замечает: "несомненно, лейбористы стали еще одной европейской социал-демократической партией, приверженной... смешанной экономике... Лейбористы... прошли огромный сдвиг к центру"⁷⁹.

Киннок доказывает, что усилия его партии направлены на то, чтобы заставить капитализм "функционировать в обстановке рынка более эффективно, более справедливо,

более успешно" и что продолжать отстаивать национализацию промышленности — "это не социализм, а мечта" ⁸⁰. В 1989 г. он отметил (чуть ли не перефразируя Оскара Лафонтена): "Хозяйство, в котором мы работаем, — рыночная экономика, и мы должны заставлять ее работать лучше, чем смогли заставить тори"⁸¹. В последнем политическом манифесте партии "Глядя в будущее" провозглашается отказ от приверженности "политике полной занятости и даже существенного сокращения безработицы", которая в Англии намного выше, чем в США ⁸². Комментируя манифест, журнал "New Statesman" отмечает, что Киннок "играет в игру Джорджа Буша"; он предлагает бороться "на выборах под лозунгами тори..., обещая финансовую дисциплину" и "никакого существенного увеличения прямых налогов"⁸³. В программе 1983 г. лейбористы заявляли, что сердце программы — партнерство с тред-юнионами". А в 1990 г. партия провозглашает: "Мы создадим новое, полное жизни сотрудничество между правительством и обоими партнерами в экономической жизни"⁸⁴. После национальной конференции либерально-демократической партии (1990 г.) левый журнал отметил, что третья центристская партия находится теперь "слева от лейбористов... /хотя/ может показаться странным, что бывшие либералы обошли бывших социалистов. Задайте только вопрос, какая партия предлагает больше перемен, способных причинить беспокойство привилегированным и сильным в сегодняшней Великобритании?" ⁸⁵ Говоря обо всем этом, "Financial Times" пишет в редакционном комментарии, что "принятие лейбористами идеи рынка, а также многих реформ консервативного правительства в области трудовых отношений, большинство его шагов в области приватизации ограниченного роста общественных расходов, — все это, хотя и неохотное, но признание политики премьер-министра", (т.е. Маргарет Тэтчер)⁸⁶. Обследованное, проведенное в кругах британских бизнесменов в июне 1990 г., показывает, что хотя они по-прежнему испытывают сомнения в отношении лейбористов вследствие "печального опыта 70-х годов", однако в конечном счете недавние попытки партии "более ответственно подойти

к бизнесу" были успешными, и "консерваторы, мобилизуя в свою поддержку деловые круги, больше не могут полагаться на их страх перед лейбористским правительством"²⁷.

Сдвиг лейбористов вправо, происходящий на фоне краха коммунизма и завершения холодной войны, привел к усилению проамериканских тенденций во внешней политике. Сара Бакстер пишет: "Лейбористская партия даже пытается представить себя (что, пожалуй, несколько дерзко) предпочтительным союзником для республиканского президента. Тирады г-жи Тэтчер против /объединения/ Европы и проволоочки в области разоружения, утверждают лейбористы, безнадежно отравили ее отношения с Белым домом. Британия Эттли была союзником номер один США во времена холодной войны, Британия Киннок — идеальный партнер для более спокойных времен"²⁸. Однако при более уступчивом Джоне Мэйджоре эти обобщения могут утратить силу.

Небольшая оппозиционная социал-демократическая партия Содружества — новые демократы (НДП) Канады следует за лейбористами. Эд Бродбент, лидер партии в 1989 г., отмечал: "Серьезные дискуссии о будущем — это не дискуссии о рыночной экономике. Для большинства мыслящих людей этот вопрос закрыт... Мы, новые демократы, верим в рынок, включая частные инвестиции, снижение тарифов, частную собственность, свободное распоряжение наличными средствами, децентрализованное принятие решений... Мир развивается, а с ним наша политика"²⁹.

НДП, всегда обладавшая большей силой в провинциальных, нежели в общенациональных выборах, завоевала большинство мест в муниципалитетах Онтарио — самой зажиточной и густонаселенной провинции Канады, на выборах, происходивших в сентябре 1990 г. (хотя партия получила лишь 38% голосов избирателей). Несмотря на то, что в ходе выборов НДП выступала под лозунгами увеличения расходов на социальное обеспечение и налогов на корпорации, ее лидеры не являются радикалами³⁰. Консервативный журнал "Globe and Mail", ориентирующийся на деловые круги, отмечает: "НДП в Онтарио возглавляют люди, которые не могут говорить о социализме в эконо-

мике, не поперхнувшись... Во что они действительно верят — это в то, что они могут руководить хозяйством свободного рынка на более гуманной основе, нежели капиталисты свободного рынка"³¹. Премьер-министр провинциального правительства социал-демократ Боб Рэ обещал советоваться с представителями деловых кругов и вести ответственную фискальную политику. В ответ на опасения относительно возможной политики, направленной против предпринимателей, премьер заявил: "Никто лучше трудящихся не знает, что его работа зависит от здоровой экономики"³². Отойдя от политики общественной собственности в сфере услуг, он утвердил продажу английской фирме крупнейшей канадской компании по сбыту природного газа. Рэ отметил, что это решение — "сигнал тем, кто рассматривает возможности капиталовложений в Онтарио, что мы готовы делать бизнес в провинции..., что мы люди практичные". Признав, что раньше он отстаивал национализацию компании, Рэ сказал, что он переменяет мнение, став главой правительства, "просто потому, что затраты были бы слишком большими"³³. Реальность рынка заставила НДП "отойти от обещаний, данных в ходе предвыборной кампании относительно контроля над квартирной платой, и искать решение, которое удовлетворило бы и домовладельцев, и квартиросъемщиков". Речь в данном случае идет о предвыборном обещании отменить "льготы домовладельцам на капитальные и текущие финансовые затраты"³⁴.

Крупное социал-демократическое движение во французской Канаде — социалистическая партия Квебека (СПК), возглавляла правительство провинции в 1976-1985 гг. Ее политика в годы правления была похожа на политику французской социалистической партии. Вначале была проведена целая серия мероприятий в социал-демократическом духе: национализация ряда отраслей, повышение минимума заработной платы, улучшение условий медицинского страхования в провинции. Однако столкнувшись с проблемами растущей инфляции и безработицы, СПК отступила. "Уже в 1978 г. она поставила под сомнение эффективность национализированных отраслей, а

еще более позднее экономическое мышление партии скорее полагается на частный сектор". В начале 80-х годов социалисты резко сократили общественные расходы, что вызвало снижение реальных доходов служащих аппарата провинции, а это привело к серьезному столкновению со служащими и их профсоюзами²³. Лишившись власти, СПК продолжает умерять этатистские тенденции своей идеологии.

Азия: Япония и Израиль

Завершим обзор стремлений социалистов 80-х годов к большей умеренности в идеологии описанием произошедшего в двух экономически развитых демократических государствах Азии — в Японии и Израиле. Социалистическая партия Японии (СПЯ), долго обитавшая в марксистском и нейтралистском гетто и не пытавшаяся разработать политику, которая позволила бы ей бросить вызов долго правившей в стране либерально-демократической партии (ЛДП), наконец, в результате скандалов в ЛДП в 1989 г. проснулась, чтобы усилить свое влияние. Первая женщина — лидер партии Такато Дои подчеркивала решимость СПЯ сломать "инерцию вечной оппозиции" и обратиться "ко всем группам населения"²⁴. Другой руководитель партии Сукио Иватаре в смятении: "Мы обсуждаем возможность компромисса", что он считает чуждым некогда догматичной марксистской партии, "привыкшей быть безразличной ко всяким переменам". Дои отмечает, что ее партия "не заинтересовано в национализации частной промышленности Японии"²⁵. Она "больше не говорит о роспуске вооруженных сил Японии, об отказе от ее 29-летней давности договора о безопасности с США или о закрытии атомных электростанций, которые поставляют стране треть ее электроэнергии"²⁶. Анализируя политику партии, Ярап Эсопому Joupai отмечает, что при Дои "СПЯ поддерживает капиталистическую экономику, не стремится больше национализировать корпорации и выступает за свободную торговлю" и что партия смягчила свои позиции в отношении государственного регулирования²⁷. Токийский кор-

респондент журнала Economist сообщает: "Социалисты согласились в том, что хозяйства, существующие в условиях государственного контроля, потерпели сокрушительное поражение"¹⁰⁰. В итоге, как пишет политолог Масатака Косака, "лишь немногие японцы ... верят, что при правительстве СПЯ Япония станет социалистической. Впервые Япония освободилась от страха относительно перспективы социалистического правления"¹⁰¹. Иностранные эксперты соглашались, что "японские деловые круги... не боятся социалистического правительства." Крис Рассел, который возглавляет отдел по изучению рынка ценных бумаг в ведущей брокерской фирме, имеющей отделение в Токио, даже наставляет, что "СПЯ находится справа от многих правых партий в других странах" и что политика социалистического правительства не отличалась бы слишком драматично от политики ЛДП¹⁰².

На другом конце Азии сходные явления наблюдаются в Израиле: и здесь происходит преобразование преданного социализму движения, персональные и идеологические корни которого уходят в Восточную Европу и Россию, в движение, признающее рыночную экономику в качестве основы сильного национального хозяйства и повышения уровня жизни в крупном общественном секторе, испытывающем трудности. Задолго до создания государства Израиль в 1948 г. здесь возникло коллективистское общество, "возглавлявшееся лицами и институтами..., глубоко преданными идеологии социалистического сионизма: профсоюзным движением (Гистадрутом), левоцентристскими политическими партиями и киббуцным (коллективные сельские хозяйства) движением"¹⁰³. С самого своего создания в обществе эмигрантов-поселенцев Гистадрут был не просто профсоюзом, охватывающим около 90% занятых, но также и "крупнейшим в стране работодателем, владеющим заводами, строительными компаниями..., кооперативами в сельском хозяйстве, на транспорте, в банковском деле, полиграфии и здравоохранении"¹⁰⁴. "Хеврат овдим", экономический концерн Гистадрута, дает работу 22% рабочей силы. Его крупнейшее подразделение "Кур", огромный комбинат, включенный журналом "Fortune"

в число 500 крупнейших корпораций мира, в 1987 г. давал 10% валового национального продукта Израиля, оцениваемого в 35 млрд. долларов, и 12% промышленного экспорта страны¹⁰⁵.

Социалистические партии господствовали в управлении страной с самого ее основания в 1948 г. и до 1977 г.; они распространили общественную собственность на различные области, включая авиакомпании, торговый флот, железные дороги, авиационную промышленность, связь, основные сферы услуг, химическую промышленность. С учетом всех форм бесприбыльного хозяйства — производственная кооперация, Гистадрут, правительство — в Израиле сложилась наиболее социализированная экономика из всех некоммунистических государств.

В процессе абсорбции иммигрантов, не приверженных социализму, и с развитием хозяйства, в котором непрерывно росла доля частного сектора, многие социалистические институты в Израиле проявили себя как неэффективные, или относительно (по сравнению с частными компаниями), или абсолютно (как работающие в убыток). Энтузиазм в отношении бесприбыльного предпринимательства снизился. На выборах 1977 г. социалисты утратили правление и с тех пор не смогли вернуть себе большинства, хотя в 1986-1990 гг. они входили в коалиционное правительство с правым движением Ликуд.

Многие израильские ученые-экономисты, поддерживая левых в области внешней политики, настаивают, чтобы Партия труда согласилась на проведение политики свободного рынка. В 80-е годы многие неприбыльные институты, в том числе некоторые компании, находящиеся во владении "Кура", а также различные государственные предприятия рассматривались в качестве кандидатов на приватизацию.

Партия труда и Гистадрут стремятся сохранить киббуцы, однако они все больше мирятся с необходимостью продажи многих государственных и профсоюзных компаний¹⁰⁶. Среди предназначенных на продажу государственных компаний находятся национальная авиакомпания "Эль-Аль", компания телекоммуникации "Безек", "Израильские химикалии", пароходная компания "Цим".

Председатель Партии труда Шимон Перес, сначала премьер-министр, а затем министр финансов в коалиционном правительстве 1986-1990 гг., заявил, что его главная задача — в поощрении капиталовложений и создании рабочих мест. "Возня с социальными проблемами — дело второстепенное". Экономические советники Переса сказали ему, что для этого следует сократить государственный бюджет "путем урезывания затрат на социальные нужды", и он принял этот совет. Среди других изменений, предложенных руководителем Партии труда, — отмена бесплатного обучения в школах и субсидий на яйца и мясо птицы, сокращение выплат на социальное страхование и пособий на детей, отмена государственного ипотечного кредита на жилье для молодых супружеских пар¹⁰⁷. Газета "Jerusalem Post" определяет ближайшего советника Переса, бывшего заместителя министра финансов Иосси Бейлина как "социалиста... страстно отстаивающего приватизацию. И не только это: в качестве одной из причин недостаточного роста экономики в Израиле он указывает на то, что не все фирмы в стране... поставлены в условия неограниченной конкуренции"¹⁰⁸. Гистадрут признал необходимость проведения такой же политики в профсоюзной экономике. "Кур", столкнувшись с угрозой банкротства (так как он содержал много неприбыльных подразделений, сопротивлялся увольнению ненужных работников и соглашался на повышения заработной платы, не оправданные прибылями), согласился с тем, что ему придется проводить распродажи акций частным, в том числе (неизбежно) иностранным инвесторам¹⁰⁹. Концерн находился под угрозой закрытия или продажи примерно двух десятков своих компаний. По существу, "Кур", подобно многим социал-демократическим и коммунистическим правительствам, находился, по словам одного из его руководителей, "в процессе перехода на деловое мышление". Исраэль Кейсар, генеральный секретарь Гистадрута, отметил сходство проблем своей организации и проблем хозяйства Восточной Европы, призвав к *перестройке* в Гистадруте и к прекращению "финансовой поддержки нерентабельных операций"¹¹⁰. Израильские

социалисты, подобно их единомышленникам в других странах, откровенно признают правила рынка.

Европа

Величайшее торжество исторических интернационалистских ценностей социализма — возникновение объединенной Европы, в парламенте которой социалисты образуют самую большую фракцию. Социалисты и итальянские коммунисты рассматривают интересы Европейского сообщества как свои собственные. Но, как замечает Режис Дебре, известный представитель французской интеллигенции и официальный советник Миттерана по иностранным делам в 1983-1989 гг.: "Свобода перемещения капиталов через границы либеральной Европы после 1992 г. существенно снизит поступление налогов на доходы от капитала, еще больше увеличит роль налогов на заработную плату, в то же время снизив роль государства в перераспределении доходов"¹¹¹. К тому же Европейская социальная хартия открыто признает охраняемую законом свободу не вступать в профсоюз"¹¹².

ПРИЧИНЫ ПЕРЕМЕН В ПОЛИТИКЕ СОЦИАЛИСТОВ

Почему социалистические партии в развитых странах пошли умеренным курсом? Почему они встали на путь возврата к капитализму? Простого авторитетного ответа на эти вопросы дать невозможно, но помочь здесь может краткий обзор тех перемен, которые диктовались экономическими условиями и обстоятельствами предвыборной борьбы. Перемены стали особенно заметны с середины 70-х годов, с окончанием долгого периода неуклонного роста, полной занятости и низкого уровня инфляции. Нефтяной кризис вызвал резкий рост цен и экономический спад во всех развитых странах, что подорвало веру в кейнсианскую политику, экономическое планирование и в высокие налоги для нужд финансирования непрерывного расширения системы социального обеспечения"¹¹³. По

иронии судьбы, определение классической политэкономии, что прибыли необходимы для инвестиций и экономического роста, помогло заставить некогда радикальные партии и профсоюзы согласиться на ограничения в области заработной платы. Адам Пшеворский, марксист и специалист по социал-демократии, отмечает, что ныне социал-демократы сознательно стремятся "защитить прибыли от требований масс, ибо радикальная политика перераспределения доходов не совпадает с интересами работающих по найму"¹¹⁴. Американский теоретик социализма Майкл Харрингтон также приходит к выводу, что "французский пример свидетельствует: левой следует избегать попыток перераспределения доходов посредством системы заработной платы. Именно это, как поняли, к своему сожалению, Миттеран и компания, является антистимулом найму людей на работу и, при прочих равных условиях, ведет к росту безработицы"¹¹⁵. Как уже отмечалось, послевоенный опыт убедил социалистов, что государственные предприятия неэффективны и что конкуренция стимулирует обновление. Они также признают ныне, что дальнейшее расширение уже всесторонне развитой системы социального страхования обходится крайне дорого и приводит к экономике дефицита и инфляции и что высокие налоги замедляют экономический рост.

Экономические соображения — не единственная причина перемен в политике социалистов. Отчетливо просматривается забота об успехах на выборах"¹¹⁶. Общемировые структурные перемены, в особенности в индустриальном обществе, работали против традиционной левой. Доля занятых ручным и фабричным трудом непрерывно уменьшалась, в то время как непрерывно рос удельный вес занятых в тех областях, где требовался более высокий уровень знания в области науки и техники и умение формулировать свои мысли"¹¹⁷. Эти группы работников способствовали развитию в основном внеэкономических и "постматериалистических" реформистских движений (за защиту окружающей среды, за право на аборт, за равноправие женщин и расовых меньшинств и т.п.) и распростра-

нению "либерального" образа жизни, будучи при этом обеспеченными людьми, они противились высоким ставкам налогов и государственному вмешательству в экономику¹¹⁸.

Эти оценки подтверждает анализ изменений ценностей у масс избирателей, приводимый в документе "Исследование европейских ценностей" ("European Values Study"). Эти исследования показывают, что смена настроений в 70-е и 80-е годы "решительно шла в направлении свободной конкуренции и положительной переоценки экономического статуса личности /и ее достижений/. И наоборот, значительно ослабела поддержка перераспределения ресурсов, социального равенства и государственного вмешательства для достижения этих целей". Но при спаде в признании "левых" материалистических ценностей "обратное произошло в аспекте «культуры», что включает перемены в сфере морали, религии, семейных и групповых ценностей /а также/ в сфере отношений полов"¹¹⁹. Признание традиционных "левых" убеждений в сфере экономики и социальной защиты по-прежнему ассоциируется с экономическими классами, и это признание ослабело во всех возрастных группах; в то же время возросшая приверженность "постматериалистическим" социальным ценностям сильнее всего проявляется среди молодых и более образованных¹²⁰. Поэтому левым партиям, чтобы компенсировать ослабление своей базы в рабочем классе, приходится искать лозунги, привлекательные для молодежи средних классов.

Все эти перемены не означают, что левые партии утратили поддержку масс или были сменены другими партиями. Деннис Каванаф и Вольфганг Меркель документально доказали, изучая статистику голосования за демократов по всей Европе в 1946-1989 гг., что массовая поддержка левых партий не уменьшилась; во всяком случае, процент голосовавших за них не снизился. Он остался удивительно стабильным¹²¹.

Отмечая эту общую тенденцию, я не хочу сказать, что в поддержке левых партий не было национальных различий или что их политика была везде одинаковой. Некоторые из них, в особенности партии южноевропейских стран

(Франции, Греции, Италии и Испании) с середины 70-х годов стали набирать больше голосов. Другие, в особенности в Бельгии, Германии, Ирландии и скандинавских странах, — меньше. Некоторые левые партии смогли и смогут формировать правительства большинства. Сюда относятся партии Франции, Греции, Австрии, Швеции и Испании — в Европе, а также партии в странах Содружества — в Австралии, Великобритании, на Ямайке и в Новой Зеландии. Другие левые партии функционируют в условиях многопартийной системы, и у них нет перспектив сформировать правительство большинства — лишь участвовать в коалиции с не-социалистическими партиями; так обстоят дела в Ирландии, Канаде, Италии, Португалии, странах Бенилюкса, Германии, Дании, Исландии, Финляндии, Швейцарии, Чили, Японии. Причины, которые отличают уровни поддержки социалистов в отдельных странах, слишком разнообразны, чтобы их можно было рассмотреть здесь. К ним можно отнести исторический характер классовой структуры этих стран, численность и интенсивность воздействия политически активных социальных структур (например, религиозных и культурно-лингвистических отличий), и не в меньшей степени — влияние различий в системе выборов.

Политика социалистов также различна. Швеция намного опережает другие страны в развитии программ социального обеспечения, Австралия в этом отношении находится на другом полюсе среди стран, управляемых социал-демократами. В Австрии — самый большой государственный сектор, в Германии государственной собственности намного меньше, в Швеции — очень мало. Следует еще раз повторить, что как бы ни были различные социал-демократические партии привержены идеям вмешательства в экономическую жизнь, перераспределительного налогообложения и социального обеспечения, в 80-е годы все они приблизились к классическому либерализму: к политике более свободной рыночной конкуренции, к предпочтению выгод от повышенной эффективности хозяйства выгодам от перераспределения доходов.

Это явление прозорливо подытожил в 1974 г. ветеран австромарксизма Йозеф Хиндельс, описавший "возникно-

вание социал-демократии без социализма". Он имел в виду партии, намеревающиеся "модернизировать капиталистическую систему", но при этом "отошедшие от воображаемого видения социализма и нового общества"¹²².

ТРЕТИЙ МИР ИДЕТ СЛЕДОМ

Недавние события в странах "третьего мира" похожи на происходящий в Восточной и Западной Европе отход от этатизма к признанию рыночной экономики и (во всяком случае, на словах) партийного плюрализма¹²³. Эти перемены отчасти вызваны событиями в индустриальных странах, в частности, в них ощущается прямое влияние опыта и высказываний социалистов и коммунистов в "первом" и "втором" мирах. Экономисты и руководители стран обоих "миров" говорили левым в "третьем" мире, что государственная собственность неработоспособна и от нее следует отказаться. В ряде случаев им прямо говорили, что капитализм и свободный рынок — предпочтительные пути к успехам в хозяйстве.

Однако наиболее доказательным стал собственный опыт, связанный с неудачами государственных и коллективных предприятий в промышленности и сельском хозяйстве, нередко построенных на иностранные займы вследствие нежелания допустить прямые иностранные инвестиции и веры в протекционистскую политику в области импорта. Как отмечает Джеймс Генри, большинство африканских стран "обнаружили, что этатистские решения могут стать антистимулом роста"¹²⁴. Страны "третьего мира", как правило, отвергали любой совет, за которым они усматривали поощрение инвестиций (что представлялось им попыткой подчинить их иностранному господству), в пользу займов на внутренние капиталовложения. В результате многие из них глубоко увязли в долгах вследствие изменений спроса на мировых рынках. Одновременно и немногие иностранные инвестиции резко сократились (в отличие от кредитов) или вообще исчезли из-за чередований в экономическом цикле, так же как уже случилось в прошлом десятилетии.

Политики "третьего мира" могли отметить, что наиболее успешно развивались те страны "третьего мира", которые опирались на развитие рынка — так называемые новые индустриальные страны (НИС) Азии, Чили и Ботсвана. Особенно достойны изучения перемены в Латинской Америке. Линда Робинсон считает "поразительными перемены в настроениях в Латинской Америке. Поколение, находящееся ныне у власти, выросло на литературе по «теории зависимости», в которой расписывались опасности опоры на заморский капитал. Теперь на эти книги садится пыль", а главные страны континента занимаются приватизацией и поощряют иностранные инвестиции под руководством популистских лидеров¹²⁵. Происходящее на Кубе — некогда служившей образцом для латиноамериканской левой, способствовало утрате веры в социализм. Как отмечает видная радикальная деятельница Колумбии Клара Лопес-Обрегон, в экономическом смысле кубинская система — "явная неудача". Бывший сторонник Кастро колумбийский романист Пинто Апулео Мендоса верит, что "социализм как система — это крах" и ныне поддерживает "самую модную новейшую идеологию в Латинской Америке — экономику свободного рынка"¹²⁶.

Латинская Америка и Карибский бассейн

По-видимому, испанские социалисты и события в Восточной Европе повлияли на латиноамериканскую левую. Три года назад я был в Аргентине, и перонистские лидеры рассказывали, что Гонсалес, совершая поездку по континенту, говорил лидерам левых партий, что им следует отойти от традиционной поддержки этатизма и политики перераспределения доходов. Он доказывал, что все, чего касается государство, обращается в пепел. Левоцентристские партии и лидеры Мексики и Аргентины последовали его совету и вступили в борьбу с гиперинфляцией и низкими темпами роста путем формирования свободного рынка, поощрения иностранных инвестиций, приватизации государственной промышленности и сокращения общественного сектора услуг¹²⁷.

Типичен в этом отношении перонист президент Аргентины Карлос Менем. Как сообщает Ширли Кристиан, он отбросил "традиционную перонистскую концепцию, согласно которой государство — двигатель экономики... Сравнивая себя с Горбачевым... вследствие начатого им драматического переворота Менем заявил, что экономический крах Аргентины... вызывает необходимость принятия радикальных идей свободного рынка"¹²⁸. Открыто солидаризируясь с "современным капитализмом", он распродает государственные корпорации, проводит жесткую монетарную политику, упрощает налоговую систему¹²⁹. Флора Льюис утверждает, что Менем "проводит приватизацию с головокружительной скоростью" и надеется "приватизировать все, кроме основных задач правительственной политики"¹³⁰. Предельная ставка налога на личные доходы была снижена с 45 до 36%, а максимальный налог на корпорации — с 33 до 20%. Значительно либерализованы иностранные инвестиции и импортные ограничения. Ведущий аргентинский социолог говорит, что "Менем принимает образ Фелипе Гонсалеса, который... руководит экономикой методами, приемлемыми для капитализма"¹³¹.

Сходные явления наблюдаются и в других странах региона. В Бразилии на президентские выборы 1989 г. левые шли под лозунгом приватизации. В дискуссии между экономическими советниками различных кандидатов советники "самых левых партий, участвовавших во встрече, удивили всех своими взглядами"¹³². Экономист Цезарь Майя, депутат от популистской Демократической партии труда (ПДТ), советник кандидата в президенты Лионела Бризолы комментирует: "Левым следует осознать, что корни современного общества — в минимизации государства"¹³³. Сходные настроения выразил Владимир Пальмейри, депутат от Рабочей партии (ПТ), кандидат которой Луис Инасио да Сильва ("Лула") выступил как кандидат левых во втором туре выборов. "Economist" отмечает, что эта партия "отказалась от призывов к обобществлению средств производства и даже позволяет себе двусмысленные высказывания насчет поддержки убыточных предприятий,

которые составляют основную базу профсоюзов"¹³⁴. В соседней Венесуэле правящая социал-демократическая партия, долгое время связанная с Социалистическим интернационалом, объявила в 1990 г., что "большинство из 400 с лишним государственных компаний должны быть как можно скорее проданы частным вкладчикам. Эти компании виновны в большей части 35-миллиардного внешнего долга страны"¹³⁵. Теодоро Пелькофф, лидер еще более левого движения "К демократическому социализму", также настаивает на приватизации "множества государственных компаний" и преобразовании прочих "в совместные предприятия с частным сектором"¹³⁶.

Пожалуй, еще важнее заявления ведущей группы чилийской левой: послепиночетовская коалиция христианских демократов и социалистов, существенно изменив политическую систему, в основном намерена продолжать кажущуюся успешной политику свободного рынка и высоких темпов роста, которую проводил ее авторитарный предшественник¹³⁷. Социалисты утвердили освобождение центрального банка Чили от правительственного контроля¹³⁸. Министры-социалисты "вовсю ухаживали за иностранными вкладчиками, проповедовали умеренность в рабочем движении и рекомендовали ввести частные инвестиции в оставшиеся в руках государства компании"¹³⁹. Алехандро Фоксли, министр финансов и лидер христианско-демократической левой, объявил: "Мы будем поддерживать основные принципы открытой экономики: единые низкие тарифы, свободный курс валюты, либеральные законы, касающиеся иностранных инвестиций"¹⁴⁰. Он высказал надежду на возврат "свободного рынка кредитов" к концу 1990 г.¹⁴¹. Хорхе Аррате, генеральный секретарь социалистической партии, отмечает "общее стремление к переоценке сути либеральной (антиэтатистской) демократии". Рикардо Лагос, министр просвещения, заявил, что партии следует быть поскромнее со своими традиционными верованиями, она должна быть готовой изменить их и дать дорогу "переменам, происходящим в мире". В особенности он подчеркивает воздействие событий в Восточной Европе: "Посмотрте, как повлиял на социалистическую идею"

логию Лех Валенса — профсоюзный руководитель, который поставил под сомнение социалистический мир¹⁴². Том Ункер сообщает из Сантьяго, что большинство чилийских социалистов, например, Лагос, больше не настаивают на централизованном управлении: они поддерживают открытую экономику, частное предпринимательство и демократию¹⁴³.

В Мексике президент Карлос Салинас от популистской партии ПРИ обрушивается на традиции большого патерналистского правительства, порожденного революцией 1910 г. и поддерживавшегося его партией в течение многих десятилетий. В речи, произнесенной в конце октября 1989 г., он сказал: "Реальность состоит в том, что в Мексике разросшаяся администрация привела к снижению возможностей удовлетворения социальных нужд наших сограждан. Государство больше заботилось об управлении своей собственностью, чем о неотложных потребностях общества"¹⁴⁴. В итоге Салинас передал национализированные "банковскую систему..., авиакомпания, шахты, сталелитейные заводы и телефонные компании в открытую продажу, разрешил импорт, чтобы заставить мексиканских промышленников повысить эффективность производства, смягчил законы об иностранных инвестициях, перестроил налоговую систему и сократил дефицит. "Были существенно снижены предельные ставки налогов на корпорации и на личные доходы, а также налоги на импорт. 1 мая 1990 г. Салинас обратился к рабочим и профсоюзам страны и заявил, что их задача "повысить производительность труда, снизить себестоимость и помочь в завоевании рынков." Его министры "получают приглашения от новых лидеров Восточной Европы, чтобы преподать последним уроки демонтажа государственной экономики. Не удивительно, что его позицию, как и позицию Гонсалеса, принято называть "тэтчерисмо"¹⁴⁵. Как указывает мексиканский политолог Лоренцо Мейер, те, кто находился слева от ПРИ, "пытаются сегодня изменить свой образ в духе социализма по Фелипе Гонсалесу; они против корпоративного элитизма, к открытому рынку они настроены доброжелательно"¹⁴⁶.

Похожая политика проводилась умеренными левыми

или популистскими партиями в столь несхожих странах, как Боливия, Коста-Рика, Перу и Уругвай. Уругвайские социалисты, третья по величине партия страны, стоящая слева от популистов, оставалась чуть ли не единственной из значительных политических партий, по-прежнему отстаивающей этатистскую политику перераспределения. Однако на партийной конференции в ноябре 1990 г. открыто обсуждалось, "не отойти ли от Маркса, Энгельса и Ленина". Лидер партии Табаре Васкес, готовясь к возможному изменению партийной доктрины, подчеркивал, что "социализм шире марксизма" и что он не должен быть "ни догматическим, ни... закрытым для обсуждения"¹⁴⁷.

Нечто сходное имело место и в наиболее значительных демократических государствах Карибского бассейна — Ямайке и Доминиканской республике. На Ямайке премьер-министр — социалист Майкл Менли, который в 70-е годы был убежденным поклонником Фиделя Кастро, вернулся к власти в 1989 г. "в роли сторонника свободного рынка, приватизации, всеобщей экономической интеграции и конкуренции". Говард Френч сообщает, что Менли сменил множество своих социальных программ и обещаний из прошлого на призывы к "упорной работе" и "фискальному консерватизму"¹⁴⁸. В Доминиканской республике бывший президент Хуан Бош, "которого с помощью США не допускали долгие годы вернуться к власти из-за его социалистических пристрастий, всю предвыборную кампанию (1990 г.) провел под лозунгом восхваления капитализма". Как замечает Френч, "идеологические различия" между обоими карибскими левыми и "их противниками-консерваторами стали почти неуловимы".

На встрече левых партий и организаций Латинской Америки и Карибского бассейна в июле 1990 г. явственно обозначился сдвиг вправо самых крайних левых партий, включая троцкистов, коммунистов и различные "фронты освобождения". Большинство участников съезда "благожелательно отнеслись к идее полного политического плюрализма", немногие оказались "твердо верующими в государственный контроль..., тогда как большинство предпочитало более децентрализованную систему правления"¹⁴⁹.

Африка и Азия

В Африке происходит то же самое. Глава одного из наиболее стабильных правительств на этом континенте — Кеннет Каунда (Замбия), признает ныне, что его правительство, существующее 25 лет, "допустило чудовищную ошибку", пытаясь построить государство социального обеспечения путем контроля над ценами, внешней торговлей и капиталовложениями в бедной стране. По его словам, "мы субсидировали потребление вместо производства"¹³⁰. В соседней Зимбабве Роберт Мугабе, долгое время сохранявший приверженность марксизму и социализму, "обещал либерализацию торговли... как часть поэтапной программы сокращения государственного контроля над экономикой"¹³¹. Правительство Ганы, долгое время державшее в своих руках 235 компаний, теперь хочет избавиться от них в рамках программы структурного урегулирования¹³². Некогда социалистическое Того также выступает с такими программами. Президент этой страны Гнассимгбе Эвадема резко сократил государственный бюджет и закрыл или приватизировал многие государственные компании. Созданная государством сталелитейная компания отлично работает с тех пор, как в 1985 г. ее переиля американский предприниматель¹³³. В Бенине президент Матье Кереку "либерализует строго контролировавшуюся государством экономику" и отказывается от марксизма-ленинизма¹³⁴. Тем же курсом последовал Габон, когда лишился реальной власти его лидер Омар Бонго. Джулиус Ньерерра, который до 1990 г. возглавлял правящую Марксистскую революционную партию в нишей Танзании, заявляет, что его страна должна взять "пару-другую" уроков экономики у стран Восточной Европы; ныне правительство Танзании под руководством его преемника Али Хасана Мвиньи привержено системе свободного рынка¹³⁵.

Зная развитие событий в Восточной Европе и черной Африке южнее Сахары, можно не удивляться тому, что осенью 1990 г. была существенно пересмотрена программа Африканского национального конгресса, ранее перенасыщенная социализмом. Подобно другим социалисти-

ческим партиям АНК Южной Африки "приглушил много лет раздававшиеся призывы к национализации производства и перераспределению богатств. Вместо этого больше говорится об опоре на экономический рост, который может обеспечить интересы черного большинства посредством более справедливого распределения ресурсов Южной Африки"¹³⁶. В частных дискуссиях советские экономисты настоятельно советовали Манделе и другим лидерам АНК следовать именно этому курсу — опоре на рынок.

К северу от Сахары Египет, который был явно этатистским государством в 50-х годах при Гамале Абделе Насере, со значительной государственной собственностью и строгим экономическим контролем со стороны государства, в 70-е годы при Анваре Садате слегка приблизился к рыночной системе. Этот сдвиг еще более усилился при Хосни Мубареке в 80-е годы. К рыночной экономике, приватизации и партийному плюрализму продвинулся социалистический однопартийный режим, долгое время господствовавший в Алжире. И в Индии социал-демократическая партия Индийский национальный конгресс еще до утраты власти в 1989 г. отошла от приверженности этатистской экономике. Эта партия поддерживала усилия наследовавшей ей коалиции (включавшей социалистов) "активно поощрять иностранные инвестиции, разрешив иностранным компаниям держать 51% акций в приоритетных отраслях", а также резко сократив тарифы на сырье, капитальное оборудование и полуфабрикаты"¹³⁷.

Коммунисты "третьего мира"

За исключением Северной Кореи и Кубы, коммунисты "третьего мира" продвигаются в том же направлении. Столкнувшись с кризисом морали нации, в том числе с "распространением разочарования во вьетнамской армии", коммунисты, руководимые из Ханоя, начали высказывать подозрения по поводу "некоторых весьма известных американцев, которые, нередко — с большим риском для себя находились в авангарде антивоенной деятельности"¹³⁸. В 1986 г. во вьетнамскую конституцию "была внесена

поправка, гарантирующая права частной собственности", общественный сектор был существенно демонтирован и заменен быстро обуржуазившимся частным сектором. Правительство "привлекло талантливых ведущих американских юристов для составления проекта и проведения самого либерального законодательства об иностранных инвестициях в Азии"¹⁵⁸. Экономический советник режима, говоря о политике, ориентирующейся на рынок, похвастался, что "Восточная Европа пытается сделать уже сделанное нами"¹⁵⁹. *Дой мой* — вьетнамский эквивалент перестройки¹⁶¹. Это "самые радикальные сдвиги" в направлении полной рыночной экономики в коммунистическом мире, "затронувшие и промышленность, и сельское хозяйство"¹⁶². По сообщению "Wall Street Journal", экономическая ситуация в городе Хо Ши Мин (Сайгон) вернулась к тому состоянию, в котором она была, когда коммунисты захватили власть. Журнал цитирует ведущего вьетнамского экономиста Ле Данг Дуана: "Вьетнам не столько страдал от язв капитализма, сколько от отсутствия капитализма"¹⁶³. Указывая на последствия контроля над квартирной платой в столице, министр иностранных дел Вьетнама Нгуен Ко Та говорит: "Американцы не смогли разрушить Ханой, а мы разрушили наш город низкой квартирной платой. Мы поняли, что это глупо, и мы должны изменить политику"¹⁶⁴.

В Камбодже (Кампучии) провьетнамское коммунистическое правительство ныне поощряет "частное предпринимательство и открытый рынок...", основываясь на том, что они эффективнее государственной промышленности"¹⁶⁵. Оно "отбросило многое из коммунистической идеологии" и "по существу, ввело систему свободного рынка"¹⁶⁶. Даже убийцы из "красных кхмеров", по замечанию еженедельника "Economist", "читают газеты". Их представитель на мирных переговорах между различными политическими группами страны Хи Сампан заявил, что ныне они верят в "либеральную экономику"¹⁶⁷. Лаос также "открыто вернулся к капиталистической экономике... Лаосские крестьяне опять обрабатывают собственную землю, и торговля в этой, по существу, неиндустриальной стране,

в основном, вернулась к частной собственности"¹⁶⁸.

Сандинистский режим в Никарагуа, перед поражением на выборах испытывавший экономический спад вследствие исполнения советов советских консультантов, принял программу "ориентации на рынок", которую Фидель Кастро с возмущением (и явным преувеличением) назвал "самой правой политикой в Латинской Америке". Сандинистская Директорня формально одобрила "программу экономики, настолько ориентирующуюся на рынок и удобную для частного сектора, что ее можно сравнить с программами Международного валютного фонда. Предлагаемые меры... включали многое — от резкого сокращения расходов до стимулирования частных инвестиций"¹⁶⁹.

Марксизм отвергли и руководители Народно-демократической партии Афганистана, включая президента Наджибуллу. Главный представитель партии по связям с прессой Фарид Маздак, признав прежние ошибки в политике партии, объяснил их "влияниями времени, когда марксизм-ленинизм был в большой моде в слаборазвитых странах"¹⁷⁰. Правители Южного Йемена перед воссоединением с прозападным Северным Йеменом "свергли статуи Маркса и Ленина и сбили партийные лозунги, выбитые на фасадах домов"¹⁷¹. И в Эфиопии непопулярный в "третьем мире" коммунистический режим резко изменил экономическую политику и идеологию. Президент Менгисту Хайле Мариам "объявил в марте 1990 г., что его правительство отказывается от марксизма-ленинизма"¹⁷². Президент шел в направлении системы свободного рынка, не ограничивал капиталовложения в частный сектор и был согласен на значительный уровень приватизации в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве¹⁷³. К югу, в Мозамбике, некогда дружественный Советскому Союзу Фронт освобождения (Фрелимо) объявил о новой программе, включающей "поддержку экономики свободного рынка, отказ от марксизма-ленинизма, расширение свободы религии, создание частных школ и свободные выборы"¹⁷⁴.

АМЕРИКАНСКАЯ "ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ НАОБОРОТ"

Отказ американской левой от сдвига вправо представляется иронией судьбы в контексте старого извечного вопроса почему США являются единственной индустриальной страной, не имеющей жизнеспособной социалистической или лейбористской партии. Откуда эта политическая "исключительность"?¹⁷³ Во всем индустриальном мире мы наблюдаем лейбористские, социалистические и социал-демократические партии (наряду с многими коммунистическими и левыми партиями "третьего мира"), которые отходят от марксизма, перестают акцентировать свою принадлежность к движениям рабочего класса и все больше становятся на популистские реформистские позиции, приближаясь к традиционной американской модели.

Однако создатель этой модели — Демократическая партия США — движется в обратном направлении. Хотя партия не является социалистической, и США под руководством республиканцев по-прежнему менее, чем какая-либо другая экономически развитая страна, привержены понятию "государство социального обеспечения", демократы все больше склоняются к перераспределительному прогрессивному налогообложению и антикоммерческой ориентации и оказались в этом впереди многих социал-демократических партий¹⁷⁴. Протекционистские доктрины, взлелеянные профсоюзами, обрели сторонников среди демократов в Конгрессе. Политика демократов в культурной жизни, поддержка "свободы поведения", акции в пользу женщин и этнических меньшинств, по внешнеполитическим вопросам, начавшиеся с 60-х годов, оттолкнули многих традиционных демократов, в особенности менее образованных и более религиозных сторонников партии. При этом демократическое большинство в Конгрессе ныне отстаивает все более высокие и более прогрессивные налоговые меры.

Хотя неолиберальные экономические доктрины, опирающиеся на силы рынка, были поддержаны некоторыми политиками-демократами, включая поддержку в конгрессе ряда шагов по ограничению налогов и

экономического контроля в конце президентства Картера и в первые годы администрации Рейгана, в последние годы "послужной список" партии свидетельствует о ее сдвиге влево. В отличие от большинства социал-демократов Европы демократы США продолжают настаивать на перераспределении доходов. В то время как программа 1990 г. британской лейбористской партии поддерживает право квартиросъемщиков покупать жилье, находящееся в муниципальной собственности, сенатор Барбара Микульски — председатель подкомиссии по жилищным вопросам, и демократическое большинство подкомиссии противились передаче общественного жилого фонда в частные руки (квартиросъемщикам), предложенной секретарем по делам жилищ и развития городов Джеком Кемпом¹⁷⁷. Эта тенденция отражается в документальной статистике, составленной организацией "Американцы за демократическое действие" (АДА), которая составила сводку поведения членов конгресса в области идеологии. Данные показывают постоянный рост голосования демократов в пользу либеральных решений в 70-е годы. Конец 80-х годов был наиболее либеральным периодом с тех пор, как АДА начала вести статистику (1963 г.). Особенно большой вклад в эти перемены внесли южные штаты.

Статистика голосования демократов в конгрессе
(средний процент голосующих за либеральные решения
1971-1989 гг.)

созыв конгресса	годы	Палата представителей	Сенат
92-93	1971-74	53,5	59
94-95	1975-78	54,5	56
96-97	1979-82	59	59
98-99	1983-86	69	70
100-101	1987-89	75	73

Автор благодарит Хилари Вайнштейн (Институт прогрессивной политики) за проделанную ею работу — сбор данных, представленных в этой таблице, по записям АДА.

Говоря об идеологических переменах среди демократов, я имею в виду значительную часть, пожалуй, даже большинство руководства партии на национальном уровне, большую часть делегатов национальных съездов и ее наиболее выдающихся сторонников среди интеллигенции, но не избирателей. Опросы показывают, что большинство их более консервативно и традиционно, чем партийное руководство. Сопоставление мнений по многим вопросам делегатов съездов 1980, 1984 и 1988 гг., с одной стороны, и рядовых членов партии — с другой, указывает на растущий разрыв. При этом средний демократ, как и любой средний избиратель в стране, намного больше тяготеет к политическому центру, нежели делегаты центральных органов партии.

Наряду с поддержкой более перераспределительной налоговой системы и с призывами к общегосударственному планированию ("целевому экономическому развитию") в платформе 1988 г. левая ориентация Демократической партии нашла наиболее яркое выражение в акциях в пользу меньшинств и женщин в форме специальных предпочтений и квот, которые (через перераспределение ресурсов в сфере экономики и системы просвещения) должны были обеспечить равные возможности этим группам населения. Дебаты по этим вопросам, вплоть до принятия Закона о гражданских правах 1990 г., происходили, в основном, между демократами и республиканцами, причем первые настаивали на "социалистическом" принципе равенства по итогам, а вторые — на традиционном американском принципе меритократии ("правления по заслугам") при равных возможностях в конкуренции. Демократические кандидаты — от Джорджа Мак-Говерна в 1972 г. до Майкла Дукакиса в 1988 г., за исключением Джими Картера в период его первой избирательной кампании, в представлении общества отождествлялись с защитой сильного государства во внутренних проблемах экономики и социального обеспечения, с мягкой внешней и

оборонной политикой, с социальной терпимостью в сфере наркотиков, преступности, ценностей семейной жизни, сексуального поведения. Многие традиционалисты из среды "синих воротничков" и некоторых этнических групп в какой-то мере продолжают поддерживать программы типа "нового курса", но с пренебрежением относятся к социальной и внешней политике демократов, которую отождествляют с партийной левой.

Однако отвергать такую политику — это не значит противостоять Демократической партии. Поскольку американские избиратели по-прежнему ставят собственные интересы выше идеологии, большинство их поддерживает программы, цель которых — защита простых людей вроде них самих путем обеспечения их медицинским обслуживанием, субсидий на образование, защиты в старости и гарантии рабочих мест. Чтобы обеспечить это, они голосуют за демократов на выборах в Конгресс.

В Конгрессе идет борьба именно вокруг этих проблем. Депутаты выполняют здесь роль работников бюро жалоб, представляя различные группы интересов. Они решают специфические, а не общие вопросы. Демократы, связанные с широкими категориями населения и популярными группами интересов, имеют возможность лучше выполнять эти функции. Как говорил бывший спикер Палаты представителей "Тип" О'Нил, в Америке "любая политика — политика местная". Кандидаты Демократической партии успешно представляли себя защитниками интересов разных групп населения в их избирательных округах.

В чем американская исключительность?

Чтобы понять, почему столь различна современная история развития партийных идеологий, сдвигов в программах и позициях левой США и большинства партий в других индустриальных демократических странах, необходимо понять особенности американской политической истории, а именно отсутствие значительных социалистических движений. Опыт тех, кто изучал эту тему, свидетельствует, что политики социалистической

ориентации (как это произошло в Европе) появились не столько в результате развития капиталистических общественных отношений, сколько вследствие сохранения пережитков доиндустриального феодального общества с явственной социальной иерархией, структурированной согласно закрепленным чуть ли не наследственно классам общества. Соответственно этому растущий рабочий класс реагировал на окружающую политическую среду в классовых терминах. Наоборот, в Америке, где буржуазное общество сложилось в самом его чистом виде, класс рассматривался как экономическая конструкция. Общественные классы просматривались здесь менее четко, чем в Европе¹⁷⁸. Поэтому политики, обладавшие классовым сознанием, имели ограниченное влияние. Эту общую картину удачно охарактеризовал Уолтер Дин Бернхем: "Ни феодализма, ни социализма — в этих четырех словах можно подытожить основные социо-культурные реалии, лежащие в основе политики американских выборов в индустриальную эру"¹⁷⁹. Нельзя не отметить, разумеется, что Маркс был прав, считая, что положение и занятие могут во многом определять политическую ориентацию и классовую организацию гражданина индустриального общества. Во всех демократических странах, включая США, существует связь между социально-экономическим положением, политическими верованиями и предпочтениями на выборах¹⁸⁰. Менее привилегированные поддерживают партии, которые отстаивают большее равенство и социальную защиту посредством правительственного вмешательства, и противятся трудностям, вызываемым экономикой свободного предпринимательства.

Как отмечалось выше, эта конструкция за последние десятилетия претерпела изменения. Рост удельного веса людей, получивших высшее образование и соответствующие ему занятия — в науке и технике; на должностях, требующих высшей квалификации, и в сфере обслуживания — создал значительный привилегированный слой, чутко реагирующий на внеэкономические проблемы, требующие реформ (защита окружающей среды, права женщин, гомосексуалистов и национальных и расовых меньшинств,

вопрос о мире), и более терпимый в отношении морали, в особенности — в семейной и сексуальной жизни. Эти проблемы создали новую базу для политических расколов и порождают целый спектр движений протеста вокруг какой-либо одной проблемы. Люди с высшим образованием наиболее либеральны, наиболее вовлечены в "движения" и большинство их постоянно голосует за демократов. Поскольку в США наибольший процент людей, закончивших колледжи и продолжающих образование дальше, здесь есть более чем где бы то ни было основа для либеральной политики и "новой левой". Похоже, факты подтверждают эту теорию. Как отметил в 1971 г. французский политолог Жан-Франсуа Ревель, "одно из самых поразительных явлений прошлого десятилетия состоит в том, что единственное новое революционное брожение в мире пришлось на Соединенные Штаты... Я имею в виду комплекс новых оппозиционных феноменов, обозначенных термином "диссидентство"¹⁸¹.

Критически мыслящая интеллигенция, базой которой является новый средний класс, вышла на политическую сцену в 50-е годы с возникновением "реформистского" движения в Демократической партии и положила начало тому, что впоследствии назвали "новой политикой". Эта политика расцвела пышным цветом в 60-е годы в форме протестов против вьетнамской войны, борьбы за гражданские права, права женщин и гомосексуалистов, в движениях за охрану окружающей среды, в возникновении нового стиля жизни.

Как отметил Ревель, этот новый американский стиль активизма — движения, связанные с какой-то одной проблемой, и радикализм в культуре — распространились в 60-е годы и на другие развитые страны, вступившие в постиндустриальную эпоху. Движения протеста в университетских городках прокатились по всем европейским странам. Сильные левые настроения, укоренившиеся в некоторых группах нового среднего класса, стали вызовом умеренному руководству социалистических партий с его опорой на профсоюзы. Все эти явления были "имитацией американского прототипа или его развитием, и шли они

вслед за ним. Европейские диссиденты, являющиеся единственной силой, которая смогла возникнуть из академической апатии и слева, и справа, и на Востоке, и на Западе, — все они последователи американских движений¹¹².

Все это стимулировалось и усиливалось борьбой за гражданские права, приведшей, начиная с решения Верховного суда о десегрегации школ (1954 г.), к непрерывной серии организованных попыток расширить политические права негров и других этнических меньшинств, женщин и гомосексуалистов, расширить их возможности в области экономического благосостояния и просвещения. Эти события способствовали радикализации хорошо образованных белых и мобилизации черных и других в поддержку более либеральных и левых сил внутри Демократической партии. В то же время эти процессы заставили социально консервативных и менее зажиточных белых демократов переориентироваться и голосовать за республиканцев. Негры, составляющие более 20% тех, кто отождествляет себя с демократами, поддерживают Джесси Джексона и его "Радужную коалицию" — группу, которая (не говоря уже о расовых проблемах) настойчиво поддерживает перераспределение доходов и всестороннее государственное вмешательство в экономику. Некоторые члены Конгресса — негры открыто выступают как социалисты. Неспособность Америки на третьем столетии независимости решить вопрос о равенстве рас погружает страну в состояние все более глубокого раскола по поводу прав менее привилегированных групп населения, чем в большинстве индустриальных стран.

Итак, первое отличие Америки связано с несходством между американской общественной системой — чисто буржуазной, классически либеральной (антиэлитарной) по характеру, и европейской постфеодальной системой — традиционно более элитарной, с фиксированной классовой структурой. Второе отличие связано с лидирующим положением Америки в развитии экономики и высшего образования и с потребностью американского общества удовлетворить впервые высказанное массовое стремление к "итоговому равенству" этнических групп и полов — стремление, поддержанное интеллигенцией.

В чем отличие демократов?

Чтобы объяснить, почему демократы не пошли по пути левых групп, например, британских лейбористов и германских социал-демократов), подчинившихся тенденции сдвига вправо, необходимо сопоставить институциональные и интеллектуальные структуры этих движений. Представляется, что американскую реакцию на происходящее отличают четыре фактора. Первый фактор — большее значение общественных движений в США по сравнению с другими устоявшимися демократиями, что отражает отличия в избирательных системах. Второе — это отличия в структуре управления: в парламентарных странах существует определенная партийная политика и законодательная дисциплина, тогда как в Америке существует разделение властей и отсутствует система партийной дисциплины. Третье — это отличие в экономических воззрениях между левыми в странах, имеющих партии и профсоюзы социалистического или корпоративного происхождения, и американскими либералами и тред-юнионами, которые никогда не были сторонниками общегосударственной экономической политики и корпоративных (достигнутых путем взаимных уступок) соглашений между капиталом, трудом и правительством¹¹³. Четвертое — это различная реакция на кризис левых идеологий со стороны интеллектуальных кругов тех стран, где имелись мощные социалистические и (или) коммунистические движения, и в такой стране как США, где слой левых интеллектуалов значителен, никогда не было существенного для выборной кампании отечественного социалистического или марксистского движения.

Институциональные факторы Особенность американского общества — в относительной легкости, с которой возникают и приобретают значительное влияние общественные движения (в отличие от партий). Если сопоставить американскую политическую систему с политическими системами богатых стран Европы по частоте возникновения и влиятельности крупных движений, то США окажутся явно впереди¹¹⁴. В американском контексте обществен-

ные движения — эквивалент небольших партий. Они возникают потому, что в системе, где главная выборная кампания превращается в общенациональное состязание для выборов единоличного главы правительства, создать устойчивую третью партию невозможно. Парламентские системы поощряют образование небольших партий, так как отдельные группы, объединяющиеся общими ценностями и интересами, могут выбирать депутатов парламента по округам, отделенным географически и в отношении среды. Однако американские движения, не связанные с выборами и не являющиеся частью обычной пристрастной политической игры, с большей вероятностью могут в своих программах дойти до крайности. Они не подчинены силе партийной дисциплины, необходимой для завоевания поддержки избирателей. Более характерно для них стремление заставить лидеров обеих крупных партий отозваться на их требования. При слабости национальных партийных организаций движения, возникшие в 60-е годы, продолжают оказывать влияние на обе партии, смещая республиканцев вправо (против аборт, к жесткой линии против преступности, к сокращению государственного вмешательства в экономику), а демократов, как уже отмечено, — влево.

В парламентских странах партийное руководство, даже потерпевшее поражение на выборах, обычно остается у власти внутри партии. Находясь у власти или не находясь, оно может оценить влияние своей политики на результаты выборов и изменить ее в той части, которая (по мнению руководства) привела к поражению. Большинство таких партий имеют группы по проведению опросов и исследований, и независимо от исхода выборов эти группы продолжают издавать исследовательские работы и рекомендовать коррекцию политики на основе длительных тенденций. В США вследствие разделения законодательной и исполнительной властей партии всегда оказываются в проигрыше; они менее дисциплинированы и менее бюрократизованы, чем в парламентских системах. К тому же изменения в уставах партий и распространение системы предварительных выборов ("праймериз"), происшедшие в

60-70 годы, ослабили общенациональные партии, особенно демократов, еще больше¹⁸⁵.

В условиях, когда перемены в руководстве происходят после каждого поражения на выборах, когда назначения кандидатов и общенациональные съезды не контролируются и даже не находятся под влиянием партийных институтов, никто не может мыслить за партию и говорить от ее имени, если партия не контролирует Белый дом. Исследователи общественного мнения, аналитики и главные политические советники меняются от выборов до выборов. Кандидаты сначала стремятся получить назначение, затем ищут денег и поддержки активистов в кампании перед первичными выборами, а эта поддержка у кандидатов-демократов в основном приходит слева. Партийные активисты больше не заботятся о получении выгодных синекур, не спрашивают, как можно выиграть ближайшие выборы или в чем была ошибка на прошлых выборах: они просто поддерживают ближайшего к ним идеологически кандидата. Как замечает Кристофер Мэтьюз, заведующий вашингтонским бюро газеты "San-Francisco Examiner": "Чтобы преодолеть ранние стадии отбора круга избранных и предварительные выборы, кандидату необходимо стать привлекательным для тех страстных активистов-демократов, которые занимаются отбором кандидатов в президенты. Большинство из них находится в интервале от левого центра до крайней левой. У людей, вступающих на авансцену демократической элиты и стоящих у рампы на предварительных выборах, весьма мало времени для умеренных, не говоря уже о консерваторах"¹⁸⁶. Поэтому Общенациональная демократическая партия, которую сравнивают с европейскими социалистами, почти не существует как организация. Она не в состоянии извлечь уроков или провести политические изменения так, чтобы это соответствовало взглядам тех, кто будет вести следующую президентскую кампанию или представлять партию в конгрессе.

Антиэтатистский, индивидуалистический, соревновательный настрой американцев не поощряет профсоюзы или другие группы интересов думать о благе всего народа, экономики или партии. Можно ли какую-либо группу

упросить или заставить пожертвовать чем-либо для блага всех, для повышения эффективности хозяйства? Цель, по словам Сэмюэля Гомперса, всегда "больше". Американские профсоюзы, в отличие от более "солидаристских" профсоюзов европейских социалистов или католиков, также настроены на конкуренцию и не интересуются общим благом нации, как не интересуется им и бизнес. Подобная синдикалистская ориентация хороша для расширенной автаркической экономики, в которой внешняя торговля имеет малое значение. Для страны, вовлеченной в международную конкуренцию, она неэффективна.

Нежелание американских профсоюзов подумать о политике, приводящей даже к краткосрочным снижениям заработной платы (чтобы повысить конкурентоспособность хозяйств в целом), может уменьшиться вследствие падения влияния рабочих организаций. Доля рабочих в общей численности занятых постоянно сокращается, и ныне она составляет 16%. Снижаются и их возможности обеспечить себе большинство на профсоюзных выборах. Еще более серьезной оказывается их неспособность выиграть крупные забастовки — сейчас возможность успеха более сомнительна, чем когда-либо прежде, начиная с 20-х годов. В 1988 г. рабочие выступления были слабее чем за последние сорок лет. Профсоюзам больше чем когда бы то ни было нужны друзья в государственной администрации. Это может дать демократам больше свободы маневра в работе с профсоюзами.

Различия в поведении американских профсоюзов и профсоюзов других стран, связанных с социал-демократическими партиями, также отражают различия организационных структур поддерживаемых ими партий. В Австралии, Великобритании и в большинстве стран Европы с неохотой, но принимают ограничения свободы действий и политику ограничения заработной платы, если это диктует дисциплина партий, с которыми профсоюзы связаны. В Америке партия не может навязать профсоюзам и другим группам политику, которая ограничивает их узкие интересы.

Еще труднее навязать общегосударственной партии

некую структуру, которая способствовала бы более плодотворной политике ради успеха на выборах. Отсутствие организации усиливает самое себя. Каждый кандидат в президенты заинтересован в вербовке для своей кампании отдельных групп сторонников партии. Возьмем недавний пример: в 1988 г. сторонники Духакиса согласились так изменить правила отбора делегатов на всеамериканский съезд, чтобы Джесси Джексон в 1992 г. мог получить намного больше голосов выборщиков, если он согласится баллотироваться.

Влияние интеллигенции. Как уже отмечалось, группы американцев, имеющих высокий уровень образования, являются основным хребтом левых сил в демократической партии. Протесты студентов и интеллигенции против войны во Вьетнаме и поддержка ими движения за гражданские права стали катализатором "новой политики". Однако интеллигенция, будучи растущей массовой прослойкой, оказалась силой, более влияющей на успех на выборах и на формирование общенациональной программы партии (в особенности, ее левого крыла). Это во многом обусловило второй аспект исключительности американской политики.

Поддержка американскими интеллектуалами левых — не новое явление. Они были силой, противостоявшей истеблишменту на протяжении всего прошлого века¹⁰⁷. Они пестовали то, что Лайонел Триллинг назвал "культурой отрицания", оппозиционной по отношению к буржуазным национально-патриотическим ценностям. Они были главной опорой относительно малых крайне левых течений, в том числе малых радикальных партий прошлого, претендовавших на роль третьей партии. Хотя почти все эти партии исчезли, недавний опрос лиц с высшим образованием (1989 г.) показал, что 57% из них называют себя либералами по сравнению с 11-20% среди избирателей в целом. Из тех, кто находится на научных должностях высшего уровня или занимается исследованиями, или принадлежит к университетской элите, 67% являются либералами¹⁰⁸.

Поразительный аспект этой новой американской исключительности — в том, что марксизм живет среди

американских интеллектуалов и не собирается умирать. Как заметил Гарри Абрамс, "американские университеты, вероятно, — один из последних бастионов интеллектуального марксизма, во всяком случае, в развитых странах"¹⁸⁹. Оксфордский политический теоретик Джон Грей также приходит к выводу, что "академические институты капиталистической Америки будут последним оплотом марксистского теоретизирования"¹⁹⁰. Джеральд Марзорати, главный редактор журнала "Harpers Magazine", подчеркивает, что американские академические радикалы "отбросили либерализм с его представлениями о терпимости" в пользу "смеси неомарксизма и семиотики... — континентального языка, в точности такого, от которого отказались молодые европейские интеллектуалы, воскресившие классический либерализм, признание прав личности, рынок и прагматизм. По иронии судьбы, эти "заморские писатели и мыслители, по-видимому, не питают ничего, подобного легкому антиамериканизму их интеллектуальной предтечи и американских академических радикалов"¹⁹¹. Обсуждая в "New York Review of Books" позиции и писания американской научной элиты, нобелевский лауреат М.Ф.Лерец (Кембриджский университет) пишет: "Марксизм может быть дискредитирован в Восточной Европе, но, похоже, что в Гарварде он процветает"¹⁹². Комментируя сходным образом различия между американскими и советскими литературоведами, Роберт Алтер, ведущий специалист по сравнительной литературе, указывает: "В наших академических кругах литература обычно отвергается, осуждается как орудие идеологического давления". Но, побывав в Москве, он "покинул этот город с чувством, что есть еще в мире люди, для которых литература — насущная необходимость"¹⁹³. Ричард Флакс, видный радикальный социолог, писал в 1988 г.: "Если у истеблишмента двадцать лет назад и существовала социология, то это мы помогли ее создать, а потому, к добру или к худу, эта область во многом наша"¹⁹⁴. Левый историк Джонатан Винер отмечал в 1989 г., что "во времена Рейгана радикальная история заняла в американских университетах более прочные позиции, чем

когда бы то ни было в прошлом"¹⁹⁵. Левая идеология сильна также в Голливуде и среди творческих работников телевидения¹⁹⁶.

Среди высокообразованной интеллигенции, потребляющей результаты научных исследований и интеллектуального творчества, есть немало "попутчиков" левых интеллектуалов. Как уже указывалось, избиратели с более высоким образованием на выборах склонны голосовать за более левых кандидатов. Эти группы также склонны голосовать в выборах активнее, чем другие слои; они выдвигают либеральных кандидатов на предварительных выборах и способствуют удержанию Демократической партии на левом фланге. Немецкий теоретик социал-демократии Рихард Левенталь отмечает роль "интеллектуальных доктринеров" в "организационной реформе в Демократической партии...", что привело к выдвижению кандидатуры Мак-Говерна и к его провалу". Он подчеркивает "противоречие между последствиями внутрипартийной демократии, которые определяют сильные группы идеологических активистов, и необходимостью добиться успеха на демократических выборах"¹⁹⁷. "Постиндустриальные" левые, нередко определяющие себя как радикалы, избирались в общинах с высокой концентрацией единомышленников, например, в Энн-Арборе, Амхерсте, Остине, Беркли, Боулдере, Берлингтоне (Вермонт), Кембридже, Гайд-Парке (Чикаго), Итаке, Мэдисоне, Манхеттене, Санта-Круз и Санта-Моника¹⁹⁸.

Сходная картина наблюдалась в последние годы и во многих других странах, где интеллигенция и студенты стали важнейшей базой поддержки "зеленых" — политических партий и движений, озабоченных защитой окружающей среды¹⁹⁹. Однако подавляющее большинство интеллигенции Европы и Японии отошли от своей прежней приверженности марксизму. Британские интеллектуалы и люди с высшим образованием поддерживают левоцентристские партии. Шведские профессора поддерживают несоциалистические группировки. В 70-е и 80-е годы французские интеллектуалы стали яркими антимарксистами и поддерживали жесткую антисоветскую политику²⁰⁰.

В Японии обладатели высшего образования также переместились вправо²⁰¹. Отчасти это объясняется их прошлыми связями с сильными социалистическими, лейбористскими и (во Франции и Италии) коммунистическими партиями. Социализм как утопия потерпел явное поражение и в авторитарном, и в демократическом варианте. Многие интеллектуалы, прежде связанные с левой политикой, отошли от нее. Объясняя, почему шведская интеллигенция (в отличие от американской) "не была отчужденным слоем общества, традиционно независимым и даже противопоставлявшим себя правительству", специалист по шведскому обществу Рон Айерман указывает, что шведская интеллигенция, даже находясь на левом фланге, "пребывала на центральных позициях, а не на обочине общества". Здесь интеллектуалы могли принимать участие в массовых рабочих и социал-демократических движениях. "Если и существовала интеллигенция, пребывавшая в отчуждении, то лишь в высших эшелонах культуры", а не в академических кругах²⁰².

Ситуация в Америке была совершенно иной. За исключением экономистов и других специалистов, непосредственно связанных с политическими проблемами, мало кто из людей науки и других представителей интеллигенции был прямо вовлечен в политическую активность. Левые политики, особенно сразу после второй мировой войны, были слишком немногочисленны, чтобы с ними приходилось считаться, а профсоюзы недоброжелательно относились к интеллигенции. Область приложения радикальных теорий к практической политике была весьма узкой. В результате, подчеркивает Грэй, американский "образованный класс... пользуется риторикой и теориями радикальной интеллигенции Европы десятилетней давности, а то и давностью в поколение, чтобы оправдать свое отчуждение от собственной культуры". Американский академический марксизм, говорит он, "пренебрежительно мал в политическом отношении, находится на обочине" и "он компенсирует себя за свою очевидную ничтожность в практической политике, пытаясь добиться гегемонии в академических институтах"²⁰³. Таким образом,

левые идеологи академичны в обоих смыслах этого слова. Как уже отмечено, они сохранили свое влияние в университетском мире, и вообще среди американской интеллигенции более значительные круги склонны поддерживать левую идеологию, нежели среди ее коллег в большинстве стран Европы²⁰⁴. Их численность и положение в средствах информации и университетском мире позволяют им существенно влиять на политическую деятельность активистов Демократической партии.

Возможны ли перемены в Америке? Если европейская политика ныне все больше становится похожей на то, что было традицией для США, не вернуться ли США (или двинутся вперед) к новому закату идеологии после всех идеологических раздоров 60-х и 70-х годов? Такие перемены потребуют сдвигов со стороны интеллигенции. В 60-е и в начале 70-х годов триумфы коммунистов и прочих левых в "третьем мире" стимулировали интеллигенцию и привели к ее радикализации. Слабость радикализма в США и очевидный крах главных коммунистических систем в СССР и Китае привели к тому, что отчуждение американских интеллектуалов от собственного общества нашло эмоциональный выход в энтузиазме по отношению к революционным антиамериканским движениям в Азии, Африке и Латинской Америке. Однако ныне американская интеллектуальная левая стоит перед лицом не только крушения традиционной левой догматики в Восточной и Западной Европе, но и отказа от приверженности социализму и марксизму-ленинизму, а также движения к открытому признанию рыночной экономики и партийного плюрализма и в слаборазвитых странах.

В "третьем мире" не существует социалистической модели, которая могла бы вдохновить левую интеллигенцию, в частности, не годятся модели Индокитая и Никарагуа, марксистские движения которых некогда весьма привлекали американских либералов и левых²⁰⁵. Сегодня, однако, эти режимы и партии открыто признают крах этатизма в экономике.

Хотя немногие среди американской интеллигенции, склонной к левизне, в последние десятилетия испы-

тивали симпатии к Советскому Союзу, явный отказ от марксистской доктрины в этой стране во многом повлияет на либеральную ориентацию в США, как это уже произошло в других странах. Геннадий Герасимов, [бывший главный представитель советского правительства по связям с прессой], описывает "идеологическую ссору" в его стране и правящей партии как "спор между теми, кто слишком много читал Карла Маркса...", и теми, "кто более прагматичен".²⁰⁶ ...В статье, опубликованной с явного разрешения тогдашнего министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе летом 1988 г. в журнале "Международная жизнь" (органе советского МИДа), Андрей Козырев пишет, что большинство развивающихся стран "страдают не столько от капитализма, сколько от его отсутствия."²⁰⁷ На конференции видных советских экономистов в ноябре 1989 г. Леонид Абалкин, крупный деятель в области экономической политики, директор Института экономики АН СССР, а затем — заместитель Председателя Совета Министров, отметил, что частный рынок — "наиболее демократическая форма регулирования экономической деятельности". Он наставлял на том, что открытый рынок ценных бумаг и использование монетарной политики (по Фридману) больше повлияет на спрос, нежели правительственное регулирование²⁰⁸. Подробный программный анализ советской экономики, содержащий 452 страницы и изданный во вторую неделю сентября 1990 г. при поддержке Михаила Горбачева, однозначно провозглашает: "Человечество не смогло создать ничего более эффективного, нежели рыночная экономика"²⁰⁹. Не менее важна дискуссия в советской компартии, участники которой возлагают вину за сталинизм и крах экономики на Маркса и Ленина. Еще выразительнее оказалось, что на конференции о партии и перестройке в Высшей партийной школе в Москве отцов марксизма-ленинизма вообще проигнорировали, а для подчеркивания необходимости реформ цитировали Макса Вебера и Т. Парсонса²¹⁰. Советская группа аналитиков и весьма преуспевающее издательство "Гуманус" включило в свои планы переводы работ Дюркгейма, Парсонса и Вебера. О том, что перемены в левых кругах других стран

влиять на радикальную интеллигенцию США, свидетельствует журнал, издаваемый видным активистом демократической партии Стенли Шейнбаумом, тесно сотрудничавшим с социалистами США и Европы. В предисловии к публикации материалов симпозиума на тему "Торжество капитализма" его журнал "New Perspective Quarterly" провозглашает: "Великое идеологическое соревнование нашего века завершилось. Рынок, некогда клеймившийся как носитель всяческих зол, в конце концов оказался лучшим другом человека-материалиста". И редакторы обращают внимание читателя на то, что "советский босс от идеологии сказал: «приходится признать, что наша концепция общественной собственности доказала свою непригодность», что социализм проиграл «в соревновании за экономическое развитие»"²¹¹.

Пожалуй, еще более поразительно крутое изменение взглядов крупного социалиста-экономиста Роберта Хейльброннера, заведующего кафедрой в Новой школе социальных исследований. Он безоговорочно заявил: "Соревнование между капитализмом и социализмом закончилось. Капитализм победил"²¹². Хейльброннер отмечает: "Впервые в нынешнем веке — и впервые в моей жизни — я мог бы доказать, что социализм не обладает достойной приложения экономической структурой... Лишь полвека назад главный вопрос состоял в том, с какой скоростью произойдет переход от капитализма к социализму... Ныне, в последние годы века, великий вопрос ставится совершенно по-иному"²¹³.

Далее он подчеркивает, что капитализм преуспел не только политически, но и в экономическом отношении, и что все свидетельствует о непременном успехе рынка. "Это справедливо и на периферии. Взгляните на фантастические успехи азиатских стран, таких как Корея, Сингапур, Тайвань, Таиланд"²¹⁴. Хейльброннер указывает, что он не единственный думающий так среди американских социалистов, что "наиболее уважаемый американский социалист — Майкл Харрингтон... в своей последней книге (он умер в 1989 г. — С.М.Л.) «Социализм — прошлое и будущее»" смог "спасти единственное из всех обычных

определений социализма... — лишь его значение для постоянного волевого давления в пользу социальной справедливости. К добру или к худу, но это все, что остается от социализма сегодня²¹⁵.

Возможности сдвига демократической партии вправо противостоят проблема гражданских прав. Неравенство, связанное с расой и другими признаками, приобретаемыми человеком от рождения, оскорбляет универсалистские нормы, принятые в среде интеллектуалов, и другие группы давления (весьма неплохо организованные) подогревают эту чувствительность. Сталкиваясь с ростом преступности, с весьма заметным числом бездомных и нищих, либерально настроенные люди из образованного и зажиточного слоя поддерживают символы политики перераспределения, которую поддерживают и меньшинства, пользуясь защитой либералов. Все вместе они образуют большинство голосующих на предварительных выборах в Демократической партии. Однако многочисленные опросы показывают, что большинство американцев противится предпочтительным квотам и увеличению налогов, направленных на расширение социальной помощи, кроме государственного страхования на случай болезни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменения политики социалистических партий во всем мире настолько сходны, что кажется, будто социалистический интернационал походит на Коминтерн Ленина и Сталина по его способности обеспечить единомыслие входящих в него партий. Ясно, что это весьма далеко от истины. Интернационал не имеет никакой власти над партиями-членами. В основном, это дискуссионный клуб. К тому же, как сказал Нейл Киннок, "те же позиции (в широком смысле) были заняты не только демократическими социалистами и социал-демократическими партиями..., но и реформистскими фракциями старых компартий". Отсюда — "общее признание того, что в чем мы нуждаемся, это в сочетании рынка с социально ответственным обществом"²¹⁶. В комментарии о демократических социа-

листах Восточной Европы "Economist" замечает, что они также начинают сомневаться, действительно ли возможен «промежуточный путь» между коммунизмом и капитализмом. Подобно своим единомышленникам на Западе, они принимают принципы экономики свободного предпринимательства²¹⁷.

Социал-демократы во всем мире убедились, по словам Свена Стейнмо, что им следует приспособить свои программы к опыту истории... Социал-демократы (независимо от официального названия партий) не будут бороться за социализм. Но это не означает, что они обречены на поражение. Они просто изменили свои взгляды²¹⁸. Адам Шеворский приходит к выводу, что, в сущности, ныне социал-демократы "борются за то, чтобы сделать капитализм более эффективным и гуманным"²¹⁹. Как заметил Режис Дебре, если бы лидеров социалистов вынудили "сказать правду" об их нынешней роли, им пришлось бы сказать, что она состоит в том, чтобы "проводить политику правых, только более интеллигентно и в более рациональной манере"²²⁰. Сходство возникло вследствие сходной реакции на общий опыт, открытости анализу и советам большинства экономистов, а в последние годы — и вследствие краха коммунистической системы.

Признание, о котором говорит Киннок, основано на фактах. Государственные компании оказались менее эффективными, чем частные фирмы. Конкуренция оказалась гораздо более сильным стимулом перемен и экономического роста, чем частные и государственные монополии. Поощрения, дифференцированные вознаграждения и прибыль больше способствовали старательности в работе со стороны работающих по найму, а также производству более надежной и привлекательной продукции. Существуют четкие пределы, после которых налоги отпугивают и труд, и капитал. Перераспределительная налоговая политика, проводимая в пользу обездоленных, независимо от того, насколько моральной она может казаться, приводит к обратным результатам, если она сдерживает инвестиции и рост производительности. Эти реалии рыночной экономики ныне широко принимаются многими коммунистами и

социалистами, хотя, по-видимому, они гораздо реже в ходу среди американских демократов.

Сравнительное изучение налоговой политики, проведенное недавно, показало, что эффективная ставка налога на корпорации в социалистической Швеции значительно ниже, чем в Америке, руководимой республиканцами. Республиканская партия Рейгана-Буша смогла лишь модифицировать, но не изменить политику прежних правительств. "В отношении общей суммы налоговых сборов... США значительно больше зависят от «перераспределительных» налогов на личные доходы и доходы корпораций, а также налогов на наследование собственности и доходов, нежели Великобритания и Швеция"²²¹. В США "доходы на капитал облагаются более тяжелыми налогами, чем в какой-либо другой демократической стране"²²². В 1986 г. Конгресс США, в котором преобладали демократы, решил обложить доходы от капитала, как обычные доходы, и партийные законодатели отвергли доводы Вуша, что снижение налогов будет стимулировать инвестиции. Они предпочли еще раз подчеркнуть, что такие перемены нарушат прогрессивный характер налога²²³. Большинство социал-демократических партий согласилось бы с Бушем.

Важно отметить, что поскольку в США никогда не правила социал-демократическая партия, рассуждения о сдвиге американских демократов влево и социалистических партий других стран вправо не означают, что американцы склоняются к этатизму в той мере, как это было с левоцентристскими партиями других стран. Хотя американские демократы функционируют в обществе более антиэтатистском, сектантски протестантском, моралистическом и индивидуалистическом, нежели в странах Европы и Содружества с их консервативными социал-демократическими, религиозно-устоявшимися и группоцентристскими ценностями и институтами, все же Демократическая партия (в отличие от американского общества) отходит от традиции, преобладавшей в истории нации, и приближается к левой ориентации прежнего европейского образца. Тем временем европейские социал-демократы идут в направлении к ценностям классически

либеральным, менее ориентированным на государство и более — на права личности. Если "заокеанские" левые, по-видимому, приближаются друг к другу идеологически во многих отношениях, и эти перемены приводят к сдвигу демократов влево, удаляя их от центра (который обещает большее число голосов на выборах), то социал-демократы двигаются вправо — к центру национальной политики своих стран²²⁴. Эту запутанную ситуацию следует попытаться объяснить.

Некоторые факторы, исторически стимулировавшие экономический рост, а стало быть, — и неудачу социализма в США (упор на индивидуальные ценности и *laissez faire* и отсутствие давления общины), ныне дают возможность американской левой игнорировать общенациональные нужды и, следуя логике их собственной идеологии, благоприятно относиться к повышению налогов, к перераспределительной и обусловленной интересами меньшинств политике, к более свободной морали и культурной политике. Можно, конечно, объяснять эти тенденции (в особенности в области экономики и социальной защиты) реакцией на рост неравенства в доходах и рост нищеты, ярко отразившийся в увеличении числа бездомных в годы президентства Рейгана²²⁵. Хотя рост неравенства, несомненно, происходил, сравнение показывает, что сходные явления наблюдались не только в США. Уровень безработицы в большинстве развитых стран (Австралия, Бельгия, Великобритания, Канада, Франция, Германия, Италия, Испания) выше, чем в США²²⁶. Доля весьма богатых людей в других развитых странах также выше; так, согласно журналу "Forbes Magazine", в Германии, Канаде, Японии и Швеции больше, чем в США, в пропорции ко всему населению семей мультимиллиардеров с состоянием в 2 млрд. долларов и более. К этому списку "Fortune" добавляет Великобританию, Нидерланды, Швейцарию и Тайвань²²⁷. Европу, Канаду и Японию характеризует также и высокая концентрация экономической мощи в руках немногих корпораций²²⁸. В Швеции после почти полувека правления социал-демократов распределение богатства "оставалось весьма асимметричным:

обследование 1981 г. показало, что 89% семей не имели никаких акций, тогда как менее 0,3% семей владели половиной всех акций, находившихся в их личной собственности²²⁹. В статье в "Вапопс" отмечается, что "немногие крупные вкладчики по существу контролируют подавляющую часть шведских фирм"²³⁰. Совсем недавно социал-демократическое правительство предприняло шаги, поощрив усиление концентрации финансовых ресурсов путем объединения всех частных банков в четыре подразделения и дав им объединиться со страховыми компаниями страны, что создало еще более мощные центры финансового могущества²³¹. К 1980/1981 г. — последнему году, по которому есть сопоставимые показатели, распределение семей по наличному доходу в Швеции отличалось гораздо большим неравенством, чем в США²³².

Попытки укрепить структуру американской левой партии и сделать ее более эффективной, предпринятые Советом руководства Демократической партии, который возглавляли сенаторы Сэм Нанн и Чарлз Робб, Комитет штата Калифорния, когда его возглавлял бывший губернатор Джерри Браун, и партийные лидеры "старой школы" во главе с Робертом Страуссом оказались в конфронтации с активным организованным эгалитаризмом. По словам Кристофера Мэтьюза, эти лидеры, вновь пытавшиеся укрепить партию, жаждали партии "немного менее демократической, но намного более единой"²³³. Робб призывал к "освобождению партии от гнета новой активистской элиты" и стремился к утверждению "примата общенациональной партии перед индивидуальными программами отдельных групп избирателей"²³⁴. Страусс говорит: "Нам нужен кандидат, который выглядел бы как способный править балом. Умение руководить и жесткость... — это то, что мы ищем". Другой лидер партии Боб Бекел, руководивший предвыборной кампанией Мондейла, заявляет: "Нам, лидерам партии, надо начать управлять процессом и перестать находиться у него в подчинении"²³⁵. Они надеются создать организацию, способную выполнять функции, которые повсюду отличают партию: назначение

кандидатов, способных победить на выборах, разработка программ, максимально привлекательных для избирателей. Иными словами, они хотели бы, чтобы Демократическая партия стала бы похожей на социал-демократические партии других стран Запада. По иронии судьбы, американская исключительность закончилась бы сдвигом демократов вправо.

Однако кажущийся всеобщим переход неамериканской левой к поддержке капитализма и свободного рынка может оказаться недолговечным. Как отмечали ярые сторонники этих систем Джозеф Шумпетер и (недавно) Ирвинг Кристол, у капитализма и рынка нет претензий решить главные проблемы человечества, которые некогда были у социализма и коммунизма. Капитализм и свободный рынок — не утопические идеологии, даже если сфера их приложения не ограничена областью экономики²³⁶. Самое большее, что они обещают, — это выигрыш в лотерею. Но, как и все такого рода призы, главные выигрыши достаются относительно небольшому меньшинству играющих. Поэтому всегда возможно наличие многих "неудачников", и некоторые из них будут восприимчивы к реформистским движениям и движениям, направленным против системы. Распределение призов всегда было крайне неравномерным и, как заметил полтора столетия назад Алексис де Токвиль, идея равенства будет заставлять обездоленных поддерживать партии и политические программы, зовущие к перераспределению.

Центральное место в идеологии свободного рынка занимает подчеркивание собственного интереса, т.е. ненавистной всем алчности. От Адама Смита до Милтона Фридмана постоянно звучит довод, что не ограниченное ничем следование личной или институциональной выгоде будет иметь своим результатом экономический рост, от которого выиграют все, без различия статуса и богатства. Но, как известно, существуют не только личные различия в достижениях и неудачах — страны также существенно отличаются по экономическим показателям. Экономические циклы, видимо, внутренне присущи рыночной экономике, они включают не только периоды роста, но и периоды спада, когда растет безработица и ускоряются темпы инфляции.

Вновь возникающее отвращение к капитализму также внутренне присуще ситуации, создаваемой рыночной экономикой, которая отдает приоритет будничному рационализму, а не идеалам. Как говорит Кристол, "подлинная проблема [капитализма] вовсе не экономическая и не социологическая. Дело в «серой» природе буржуазного общества, которая далеко не адекватна духовной природе человека во всей ее полноте. Эта духовная природа предъявляет вселенной отнюдь не «серые» запросы и требует на свои запросы отнюдь не «серых» ответов. На эту слабость буржуазного общества с самого его возникновения указывают его интеллектуальные критики"²³⁷. Капитализм не в состоянии сформулировать эффективные ценностные категории, скрепляющие общинную жизнь. Эта неспособность вызывает противоречия между капитализмом и многими религиозными обществами. Католическая церковь нашего времени — поразительный пример того, как можно представить модель коллективистских, корпоративных, солидаристских и семейного типа общественных отношений. Папа Иоанн-Павел II, сыгравший важную роль в свержении коммунизма в Польше, — открытый оппонент капитализма, в котором он видит систему, основанную на эгоизме, ведущую к неравенству и нищете. Отрицательно относясь к свободному рынку, он следует, по меньшей мере, пятисотлетней католической традиции, которая проповедует общинную жизнь или (положение обязывает) ценности социальной помощи.

Капитализм, не обещающий устранить нищету, расизм, неравенство полов, загрязнение окружающей среды, войну, не может взывать к идеализму молодежи. Как подчеркивал Аристотель 2500 лет назад, молодые (а ныне можно добавить, — и образованные) ищут тотальных решений. Поэтому появятся новые движения, новые идеологии и даже сейчас уже возрождаются старые движения и идеологии, содержащие реформистские и утопические обещания. Стремление к общинной справедливости вновь придает видимость законности государству, роль которого в жизни общества в том, чтобы уменьшить, а то и вовсе устранить неравенство социальное и неравенство

полов и рас. Эта задача будет рассматриваться как более важная, чем устранение экономического неравенства. Сюда же можно добавить заботу об окружающей среде. Не удивительно, что эти проблемы приобретают важнейшее значение для левых партий — и старых (т.е. для социал-демократов), и прочих, вроде "зеленых", и новых социал-либералов. Классические либералы — сторонники свободного рынка, сопротивляются этим тенденциям, так как они мешают рынку и свободной конкуренции.

Борьба между левыми, отстаивающими перемены, и правыми, воспринимаемыми как защитники статус кво, не закончена. В странах, где вчера господствовали коммунисты, термины "левый" и "либеральный" ныне применяются для обозначений сторонников свободного рынка и демократии, идея которых — уменьшить власть государственной бюрократии; слова "правый" и "консервативный" относятся к группам, отстаивающим контроль государства. По иронии судьбы, именно так эти обозначения применялись первоначально в течение большей части XIX в. На Западе с развитием социалистических движений термин "левый" стал применяться для обозначения тех, кто отстаивал общие интересы, равенство и видел в государстве инструмент для проведения реформ. Правые, связанные с уходящим в глухую защиту истеблишментом, отождествились, в особенности после второй мировой войны, с оппозицией государственному вмешательству. Даже если социализм не стал бранным словом, состязание между двумя направлениями не завершилось. Политическая история как история конфликта продолжается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Систематический обзор дается в работе Salvador Clotas, *Las Transformaciones del Socialismo en los Años Setenta-Ochenta*, "Leviatan", Autumn 1989, pp. 95-106.

² Цит. в: Flora Lewis. *Triumph's Challenge*. "New York Times", May 29, 1990, p. A15. Всесторонняя дискуссия о том, почему третий путь невозможен, содержится в: Ralf Dahrendorf. *Mostly About the Strange Death of Socialism and the Mirage of a "Third Way"* — in: "Reflections on the Revolution in Europe", New York, "Times Books", 1990, pp. 42-77.

³ Анализ различий в поведении социалистов и рабочего класса перед первой мировой войной см. в: Seymour Martin Lipset. *Radicalism or Reformism: The Sources of Working-Class Politics*. — in: Seymour Martin Lipset. *Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology*. New Brunswick, N.J. Transaction Books. 1985, pp. 219-252.

⁴ Radhakvishnan Nayar. *A Vacuous Optimism*. "Times Literary Supplement". May 18-24, 1990, p.526.

⁵ Eric Hobsbawm. *Lost Horizons*. "New Statesman and Society", September 14, 1990, pp. 16,18.

⁶ Одна из первых попыток анализа перемен в социал-демократических партиях содержится в работах Отто Кирххеймера 50-х и 60-х годов. См.: F. Burin, K.L. Shell (eds.). *Politics, Law, and Social Change: Selected Essays of Otto Kirchheimer*. New York, Columbia University Press, 1969; см. также Seymour Martin Lipset. *Revolution and Counterrevolution: Change and Persistence in Social Structures*. New Brunswick, Transaction Books (издание 1988 г. в мягкой обложке; первое издание вышло в 1970 г.), pp. 267-304. Роберт Такер отмечает, что "радикальные движения, которые выжили и процветали долгое время, не переделывая мира, ...видимо проходят

процесс дерадикализации". Они пришли "к согласию с существующим порядком". (Robert Tucker. *The Marxian Revolutionary Idea*. New York, Norton, 1965, pp. 188-196). Ральф Дарендорф отмечает, что "правые социал-демократы — наиболее последовательные консерваторы в современной политике... Они обходятся не только программами-минимум, но и минимальным участием в управлении"ю (Ralf Dahrendorf. *Life Chances: Approaches to Social and Political Theory*. Chicago, University Press. 1979, p. 106). Ральф Милибэнд доказывает, что само функционирование в рамках "буржуазной демократии" оказывает умеряющее воздействие на лидеров социал-демократов и профсоюзов: демократия вынуждает их сотрудничать с противником (Ralph Miliband. *Divided Societies: Class Struggle in Contemporary Capitalism*. Oxford, Clarendon Press, 1989, pp. 74-78).

⁷ Peter Beilharz. *The Australian Left: Beyond Labourism*. — In: Ralph Miliband, John Saville, Marcel Liebman, and Leo Panitch (eds.). *Socialist Register 1985/1986*. London, Merlin Press, 1988, pp. 213-216; Peter Beilharz. *Terrible Twins*. "The Economist". October 29, 1988, p. 73; Edna Carew. Keating. London: Unwin @ Hyman, 1989.

⁸ "Bob Hawke of Australia: A Controversial Prime Minister Speaks Out". — *Firing Line*, April 12, 1989, p.5.

⁹ *Ibidem*, pp. 3, 4.

¹⁰ *Ibidem*, pp. 2, 8.

¹¹ "Australia: Private Hatred". — "The Economist", September 1, 1990, pp. 32,34; "Australian Government to Sell Stake in Airlines". — "Financial Times", September 7, 1990, p.4.

¹² "Australia Off the Dole" — "The Economist", September 29, 1990, pp. 32,34.

¹³ "A Labour Government Sets Things Right". — "The Economist", June 1, 1985, p.17. "Взгляд изнутри" австралийского министра

финансов 1984-1988 гг. излагается в его статье: Roger Douglas. The Politics of Successful Structural Reform. "Wall Street Journal. January 17, 1990, p. A20.

14 John Warnock. Lambs to the Slaughter. "Canadian Forum", November 1989, p. 13.

15 Ibidem, p. 13. См. также: Tim W. Ferguson. New Zealand's Unfinished Economic Experiment. "Wall Street Journal", December 1, 1989, p. A20.

16 Del Hayward. NZ Fact with Union Limits Wage Rise Demands to 2%. "Financial Times", September 18, 1990, p. 7.

17 "A Labor Government", p. 18.

18 John Warnock. Op. cit., p. 12.

19 Introduction, in: Tom Callagher, Alan M. Williams (eds.). Southern European Socialism. Manchester. Manchester University Press, 1989, p.3. Эконсервативный характер экономической политики социалистов южноевропейских стран показан в различных разделах книги.

20 Ibidem, pp. 189-191.

21 Christos Lyrantzis. PASOK in Power: The Loss of the "Third Road to Socialism" in Callagher and Williams, eds. Southern European Socialism, pp. 42-43. См. также James Petras. The Contradictions of Greek Socialism, — "New Left Review", May-June 1987, pp. 3-27; Louis Lefebvre. The Socialist Experience in Greece - "International Journal of Political Economy", Winter 1989-1990, pp. 32-55.

22 Stephen Hellman. Politics Italian Style. — "Current History", November 1988, pp. 367, 394.

23 Spencer M. DiScala. Renewing Italian Socialism: Nenni to Craxi. New York, Oxford University Press. 1988, pp. 221-222.

24 Ibidem, pp. 213-214.

25 "Italian Socialists Pass Communists at Polls". — "New York Times", June 1, 1989, p. A12.

26 Alan Riding. "Italy's Battered Communists Reinvent Themselves Again" — "New York Times", March 25, 1989, p. A8; см. также Jeffrey Godmin. Europe's Extremes. "American Enterprise", July-August 1990, p. 40.

27 Daniel Singer. Achille's Gamble. — "The Nation", April 24, 1989, p. 545; Alan Riding. "Italian Communists Try Not To Be Ideologues". — "New York Times", May 7, 1989, IV p.3.

28 Clyde Haberman. Chinese Upheaval Shakes Italy's Communists. — "New York Times", June 9, 1989, p. A13.

29 "Meanwhile, Elsewhere in Europe". — "The Economist", November 18, 1989, p. 58; Clyde Haberman. Italy's Communists Will Change Name. — "New York Times", November 26, 1989, p. Y9.

30 Jennifer Parmalee. Italian Communist Chief Reshaping Party Image. — "Washington Post", May 16, 1989, p. A12.

31 Общий обзор вопроса дается в: Donald Share. Dilemmas of Social Democracy in the 1980s: The Spanish Socialist Workers Party in Comparative Perspective. — "Comparative Political Studies", October 1988, pp. 408-435.

32 Цит. в: Tom Gallagher. Op. cit., p.3. (подчеркнуто нами - С.М.Л.)

33 "Leader of the Pack". — "The Economist", March 11, 1989. Survey: Spain.

34 "As Gonzales Glides Rightward". — "The Economist", February 11, 1989, p.43.

35 "The Next Transition". — "The Economist", March 11, 1989. Survey: Spain.

36 Alan Riding. The Spanish Victory: A Mandate for the Socialists. — "New York Times", October 31, 1989, p. A3.

37 William Randolph Hearst Jr. American Trade and Aid. "San Francisco Examiner", November 5, 1989, p. A25.

38 Michael Harrington. The Next Left: The History of a Future. New York: Holt, 1987, p. 116. См. также на стр. 116-140 отличный обзор перемен.

39 Ibidem, p. 139.

40 "Very Soft Left". — "The Economist", July 9, 1989, p. 42. См. также Howard LaFranchi. Socialist Party Searches for Identity. — "Christian Science Monitor", March 5, 1990, p.4; David Bell. Parti Games. — "New Stateman and Society", March 16, 1990, p.21.

41 Julius W. Friend. Seven Years in France: Francois Mitterand and the Unintended Revolution, 1981-1988. Boulder, Westview Press, 1989, p. 11.

42 Цит. в: Suzanne Berger. French Business from Transition to Transition. — In: George Ross, Stanley Hoffman, Sylvia Malzacher (eds.). The Mitterand Experiment Continuity and Change in Modern France. New York, Oxford University Press, 1987, p. 192.

43 "France's Fifth Republic: Sure-Footed". — "The Economist", October 1, 1988, p.20.

44 David Bell. Op. cit., p. 21.

45 Dennis L. Bark, David F. Gress. From Shadow to Substance: 1945-1969. Oxford, Basil Blackwell, 1989, p. 445; Adolf Sturmthal. Left of Center: European Labor Since World War II. Urbana, University of Illinois Press, 1983, pp. 54, 59-66; Andrei S. Markovits. The Politics of West German Trade Unions. Cambridge, Cambridge University Press, 1986, pp. 91-93.

46 Russel V. Dalton. Politics in West Germany. Glenview, Ill.:

Scott. Foresman, 1989, pp. 260, 286; Gerard Blumenthal. The Social Democratic Party. — In: H.G. Peter Wallach, George K. Romoser (eds.). West German Politics in the Mid-eighties: Crisis and Conformity. New York, Praeger, 1989, p. 84. Западнoгерманская федерация профсоюзов ДГБ также резко изменила свою приверженность к этатизму в Дюссельдорфской программе 1983 г., в которой отмечается "пронимание того, что объем и характер капиталовложений — важная составляющая успеха или неудачи в современной экономике". Документ "упоминает планирование лишь как малую часть общей структуры экономики, которая в других своих частях остается рыночной и конкурентной" (Andrei S. Markovits. Op. cit., p.103).

47 Цит. в: Adam Przeworski. Capitalism and Social Democracy. Cambridge. Cambridge University Press, 1985, p.43.

48 Klaus von Beyme. Policy-Making in the Federal Republic of Germany: A Systematic Introduction. — In: Klaus von Beyme, Manfred O. Schmidt (eds.). Policy and Politics in the Federal Republic of Germany. London. Gower, 1985, pp. 9-10.

49 SPD Paper. The Future of the Social Welfare State. — In: Peter J. Katzenstein. Policy and Politics in the West Germany. Philadelphia, Temple University Press, 1987, pp. 204-205. См. также Andrej S. Markovits. Op. cit. p. 428.

50 David Goodhart. SPD Agrees to Programme Under Shadow of German Question. — "Financial Times", December 21, 1989, p.2.

51 "Basic Policy Programme of the Social Democratic Party of Germany", Bonn, SPD National Executive Committee, 1990, pp. 40-41.

52 "SPD Debate over Lafontaine Reform Continues", Foreign Broadcast Information Service. Federal Republic of Germany, February 7, 1989, p. 19-20.

53 Peter J. Katzenstein. Corporatism and Change: Austria, Switzer-

land and the Politics of Industry. Ithaca, Cornell University Press, 1984, pp. 49-51, 65.

54 "Austria: The Shadow of the Past". — "The Economist", February 25, 1989, Austria, Survey, p. 7.

55 Peter J. Katzenstein. Small States in World Markets: Industrial Planning in Europe. Ithaca, Cornell University Press. 1985, pp. 88-89.

56 Wolfgang C. Mueller. Privatizing in a Corporatist Economy: The Politics of Privatization in Austria. — In: "West European Politics". October 1988, pp. 108-113.

57 Clifford Stevens. Austria Begins Denationalization Policy to Stem Losses, Finance New Investment. "Wall Street Journal", October 27, 1986, p. 35; Diana Federman, Clifford Stevens. Austria Looks West for Help in Rejuvenating Economy. "Wall Street Journal", May 20, 1987, p. 30; "Austrian Privatization". "New York Times", November 17, 1988, p. D21; "Austria". "The Economist". Austria Survey, pp. 8-9, 14.

58 "Austria". Survey — "The Economist", p. 15.

59 Jonas Pontusson. The Triumph of Pragmatism: Nationalization and Privatization in Sweden. — "West European Politics". October 1988, pp. 129, 133-136.

60 Michael Harrington. Op. cit., pp. 130-131 (подчеркнуто автором). См. также Sven Steinmo. Social Democracy vs. Socialism: Goal Adaptation in Social Democratic Sweden. "Politics and Society". December 1988, p. 434.

61 Michael Harrington. Op. cit., p. 161. См. также Jonas Pontusson. Radicalization and Retreat in Swedish Social Democracy. — "New Left Review". September-October 1987, pp. 17-22.

62 Steven Greenhouse. Sweden's Social Democrats Veer Toward Free Market and Lower Taxes. — "New York Times", October 27, 1989, p. A3. См. также Henry Milner. Sweden Social Democracy in Practice. New York, Oxford University Press. 1989, p. 211.

63 Цит. в: "Mensheviksson". — "The Economist". April 1, 1989, pp. 42-44. См. также Sven Steinmo. Op. cit., p. 434.

64 Характеристику Фельдта, его идеологии и его влияния на партию см. в: Robert Taylor. The Acceptable Face of Socialism. — "Financial Times", June 16, 1988. IV. p.4.

65 Steven Greenhouse. Op. cit.

66 Sven Steinmo. Op. cit. pp. 407, 411. Cv7 nfr;t "The Swedish Economy Survey". — "The Economist", March 3, 1990. Survey, pp. 10, 16, 18.

67 L. Gordon Crovitz. Sweden Crackup: Eastern Europeans Learn There's No Middle Way. — "Barron's", July 23, 1990, p. 10.

68 "Sweden's Nice Reform, Nasty Burden". — "The Economist", November 11, 1989, pp. 59-60.

69 "Sweden Says Tax Overhaul Will Worsen Inflation Rate". — "Wall Street Journal". November 14, 1989., p. A19.

70 Robert Taylor. Sweden's Climate Becomes More Austere. — "Financial Times". October 22, 1990, p. 4.

71 Tony Spybey. Heart of Palme. — "Times Hogher Education Supplement". October 19, 1990, p. 32.

72 Steven Prokesch. Non-Socialist Lead in Norwegian Vote. — "New York Times". September 18, 1989, p. A3.

73 William M. Lafferty. The Political Transformation of a Social Democratic State: As the World Moves In, Norway Moves Right. — "West European Politics". January 1990, pp. 98-99; для сравнения происходящего в Нидерландах см.: Rudy B. Andeweg. Less than Nothing? Hidden Privatization of the Pseudo-Private Section: the Dutch Case. — "West European Politics". October, 1988, pp. 117-128.

- 74 Seymour Martin Lipset. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimore, John Hopkins University Press (расширенное издание 1981 г.), pp. 54-55.
- 75 Costa Esping Andersen. Politics Against Markets: The Social Democratic Road to Power. Princeton, Princeton University Press. 1985, pp. 196, 215.
- 76 "Labour Does Its Best". — "The Economist", May 13, 1989, p. 20.
- 77 "To the Boats of the Tories?". — "The Economist", March 17, 1990, p. 13.
- 78 "Moderns Times, Labour-Style". — "The Economist", May 18, 1989, p. 61.
- 79 David Marquand. Don't Be a Chip Off the Old Blockers. — "The Guardian". June 18, 1989, p. 16. См. также David Marquand. Keep Right On. — "The New Statesman and Society". June 21, 1989, pp. 20-21.
- 80 Цит. в: Jeff Greenfield. Challenging the Liturgy. — "The West Side Spirit". May 28, 1989, p. 13.
- 81 Цит. в: Craig F. Whitney. Is He a Match for Thatcher?. — "New York Times Magazine". July 15, 1990, p. 36.
- 82 Karel Williams, John Williams, Colin Haslam. No Job for the Social Scapegoat. — "The Times Higher Education Supplement". August 17, 1990, p. 11.
- 83 "Tax Evasion". — "The New Statesman and Society". June 1, 1990, p. 4.
- 84 "On Second Thoughts". — "The Economist". September 29, 1990, p. 64.
- 85 "Editorial Trading Places". — "The New Statesman and Society". September 21, 1990, p. 4.

- 86 "Labour and the Economy". — "Financial Times". May 21, 1990, p. 14.
- 87 Charles Leadbeater. Business Still Cautious of Labour. — "Financial Times". July 15, 1990, p. 6.
- 88 Sarah Baxter. Them and Us. — "The New Statesman and Society". August 17, 1990, p. 6.
- 89 Цит. в: Charlotte Gray. Designer Socialism. — "Saturday Night". August 1989, p. 8.
- 90 Seymour Martin Lipset. Anti-Incubancy: In Canada Too? — "American Enterprise". November-December 1990, pp. 22-23.
- 91 Michael Valpy. Brushing Away Chaff from Election Thinking. — "The Globe and Mail". September 6, 1990, p. A5.
- 92 Barry Brown. Ontario's New Leader Hits Trade Pact. — "Washington Times". September 10, 1990, p. A10.
- 93 Richard Mackie. Ontario Approves Consumers, Gas Sale. — "The Globe and Mail", November 8, 1990, p. B1.
- 94 Richard Mackie. NDP Won't Keep Promise on No-Loophole Rent Controls. — "The Globe and Mail". November 8, 1980, p. 1.
- 95 John Fitzmaurice. Quebec and Canada: Past, Present and Future. London, C. Hurst and Co., 1985, pp. 198-200.
- 96 "Doi Says JSP Will Shift Gears to Fulfill Campaign Promises". — "Japan Times". August 13, 1989, p. 1.
- 97 Steven R. Weisman. After Victory, Japan Leftists Face Scrutiny. — "New York Times". July 30, 1989, p. 9.
- 98 David E. Sanger. Japan's Opposition Tailors Itself to the Mainstream. — "New York Times". July 21, 1989, p. A3.

- 99 Sumio Kido. JSP Battling Image as Party of Idealists. - "Japan Economic Journal". August 12, 1989, p.6; "JSP Leaders Want to Drop Goal of Socialist Revolution". — "Japan Times Weekly International Edition". March 28 - April 1, 1990, p.2.
- 100 "How Doi Might Do It".— "The Economist". July 29, 1989, p. 30.
- 101 David E. Sanger. Op. cit.
- 102 Susan Moffat. Maybe Japan Doesn't Really Need Political Leadership. — "Japan Times". August 14, 1989, p. 17.
- 103 Alan Arian. Ideological Change in Israel. Cleveland, Press of Case Western Reserve University, 1988, p.6.
- 104 Ibidem, p. 61.
- 105 Benjamin Rubin. Koor: Israel's Economic Crisis of Faith. — "Midstream". November 1989, pp. 3-4.
- 106 Ralph Mandel. Israel. American Jewish Yearbook 1989. New York, American Jewish Committee, 1989, p. 414; Judy Maltz. No to Koor Write-Off Plan. — "Jerusalem Post International Edition", December 8, 1989, p.5.
- 107 N.D. Gross. Hostile Reception for Peres Budget. "Jerusalem Post International Edition", December 30, 1989, pp. 1-2.
- 108 "The Socialist Who Pushes Privatization". - "Jerusalem Post International Edition", June 16, 1990, p. 20.
- 109 "Koor on the Block". — "Jerusalem Post International Edition", January 20, 1990, p. 24.
- 110 Benjamin Rubin. Op. cit., p. 7.
- 111 Regis Debray. What Left of the Left? — "New Perspectives Quarterly. Spring 1990, p. 27.

112 "On Second Thoughts", p. 64.

113 Leo Panitch. The Impasse of Social Democratic Politic. — In: Ralph Miliband. John Saville. Marcel Liebman, Leo Panitch (eds.) The Socialist Register 1985-1986. London, Merlin Press, 1986, pp. 54-56.

114 Adam Przeworski. Capitalism and Social Democracy, p. 43.

115 Michael Harrington. Op.cit, p. 151, (подчеркнуто автором). Антон Пелинка, тоже специалист по системному анализу движения, в свою очередь замечает, что "вливание социал-демократических партий на государство... и на общество... ослабляет социальные конфликты, смягчая противоречия между трудом и капиталом" и повышая "вероятность того, что профсоюзы встанут на позиции сотрудничества": (Anton Pelinka. Social Democratic Parties in Europe. New York, Praeger, 1983, p.103.)

116 Отличное исследование того, как сильнейшая социал-демократическая партия приспособила свою программу к нуждам избирательной компании, см. в: Diane Sainsbury. Swedish Social Democratic Ideology and Electoral Politics. 1944-1948. Stockholm, Almqvist and Wiksell, 1980.

117 Adam Przeworski, John Sprague. Paper Stones: A History of Electoral Socialism. Chicago, University of Chicago Press, 1986, pp. 31-45; Eric Hobsbawm, Politics for a Rational Left. London, Verso, 1989, pp. 10-22.

118 Ronald Inglehart. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, Princeton University Press, 1990, pp. 258-264, 318-321.

119 R. Lesthaegh and G. Moors. Rationality, Cohorts and Reproduction. Interuniversity Programme in Demography Working Paper, 1900-1991. Brussels, Centrum Sociologie, Vrije Universitet, 1990, pp. 119-122.

- 120 Ronald Inglehart. *Op. cit.*, pp. 77-92.
- 121 Dennis Kavanaugh, Introduction to European Politics and Policies. - In: Gerald A. Dorfman and Peter J. Duignan (eds.). *Politics in Western Europe*. Stanfords, Hoover Institution Press, 1988, pp. 12-13; Wolfgang Merkel. *After the Gold Age: Is Social Democracy Doomed to Decline?* — Paper presented to the conference "The Crisis of Socialism in Eastern and Western Europe", University of North Carolina at Chapel Hill. April 6-8, 1990.
- 122 Сводное изложение приводится в: Melanie A. Sully. *Continuity and Change in Austrian Socialism: The Eternal Quest for a Third Way*. New York, Columbia University Press, 1988, p. 211.
- 123 Stephen Fidler. *Developing Nations Increase Reliance on Private Sector*. — "Financial Times", September 11, 1990, p.1.
- 124 James S. Henry. *Growing Nowhere*. — "New Republic", August 20 and 27, 1990, p.21.
- 125 Linda Robinson. *Latin America's Colossal Sale. Big Three Look to Privatization Prosperity*. — "San Francisco Chronicle. Briefing.", June 20, 1990, p. 2.
- 126 James Brooke. *Castro Loses His Appeal to the Latin Left*. — "New York Times", August 19, 1990, p. E2.
- 127 Annetta Miller. *Perestroika Goes South*. - "Newsweek", November 6, 1989, p. 53; Linda Robinson. *Op.cit.*, pp. 1,4.
- 128 Shirley Christian. *Argentina's President Takes Helm of Peronists After Rival's Setback*. — "New York Times", August 15, 1990, p. A6.
- 129 Gary Mead. *Tough Match for Argentina*. — "Financial Times", July 12, 1990, p. 11; Tom Wicker. *The Long Road Back*. "New York Times", August 30, 1990, p. A23.
- 130 Flora Lewis. *Menem Confounds*. — "New York Times", May 19, 1990, p. 23; Thomas Kamm. *Argentina Kicks Off Privatization*

Drive. — "Wall Street Journal", June 26, 1990, p. A12; John Barham. *Menem's Deepest Cut of All*. — "Financial Times", September 18, 1990, p. 8.

131 Torcuato S. DiTella. *Menem's Argentina*. — "Government and Opposition", Winter 1990, pp. 85-97.

132 Alexandre Burke Makler. *External Debt and Market Liberalization in Brazil. A New Look at Dependent Development and Patrimonialist State* (senior honors thesis). Political Economy of Industrial Societies Group Major Program, University of California, Berkeley, May, 1990, p. 11.

133 Цит. в: Alexandre Burke Makler. *Op. cit.*, p. 11.

134 "Brazil Middlemen". — "The Economist", November 25, 1989, p. 88.

135 "After 32 Years of Democracy, Fears of a Coup in Venezuela". — "New York Times", August 10, 1990, p. A3.

136 James Brooke. *Venezuela Isn't Exactly Wild for Another Boom*. — "New York Times", September 3, 1990, p. E3.

137 Shirley Christian. *How Chile is Devising a Democracy*. — "New York Times", December 17, 1989, p. E2.

138 Shirley Christian. *Chile is Getting Independent Central Bank*. — "New York Times", December 11, 1989, p. C1.

139 "Allende's Ghost". — "The Economist", September 8, 1990, p. 50.

140 Thomas Kamm. *Chileans Set to Vote Today in the Shadow of Pinochet*. — "Wall Street Journal", December 14, 1989, p. A12.

141 Tom Wicker. *Breaking the Cycle*. — "New York Times", August 23, 1990, p. A.19. Коммунисты, имевшие значительный удельный вес на выборах в годы, предшествовавшие перевороту Пиночета, на выборах 1990 г. никакого значения

не имели. См. Samuel Silva. The Mummies of Marxism Gasp for Breath in Chile. — "Wall Street Journal", September 21, 1990, p. A15.

142 Shirley Christian. Chile Will Vote Freely This Week, Thanks in Part to Allende's Followers. — "New York Times", December 11, 1989, p. A3.

143 Tom Wicker. Conflict to Consensus. — "New York Times", August 20, 1990, p. A19.

144 Marjorie Miller. Salinas, Amid Jeers, Defends His Economic Program. — "Los Angeles Times", November 2, 1989, p. A8.

145 Larry Rohter. Stop the World, Mexico is Getting On. — "New York Times", June 3, 1990, p. F1. В целом считают, что в Мексике были приватизированы 770 фирм. Gary Hector. Why Mexico Is Looking Better. — "Fortune", January 15, 1990, pp. 136-137.

146 Цит. в: David Asman. Is Mexico's New Market Economy Here to Stay? — "Wall Street Journal", June 1, 1990, p. A10.

147 Shirley Christian. In Uruguay, Two Leaders and Two Ideologies. — "New York Times", August 29, 1990, p. A5.

148 Howard W. French. Jamaican Leader to Meet Bush Today. — "New York Times", May 3, 1990, p. A8. "In The Caribbean, It's Still the Age of Patriarchs". — "New York Times", News of the Week, May 27, 1990, p. E2.

149 Sam Seibert, Michael Kepp. The Left Tries to Get It Right. — "Newsweek", July 16, 1990, p. 39.

150 Angus Deming. Kaunda's Fall from Grace. — "Newsweek", July 16, 1990, p. 37.

151 "Zimbabwean Business Confidence Increases". — "Financial Times", May 23, 1990, p. 6; Julian Berger. Zimbabwe Belatedly Loosens Government Economic Control. — "Financial Times", July 6, 1990, p. 6; "Zimbabwe's Economy Breaking Free". — "The Economist", August 25, 1990, p. 36.

152 William Keeling. Ghana Paying the Price for Its Political Principles. — "Financial Times", August 22, 1990, p. 6.

153 "Togo's Takeaway Economy". — "The Economist", June 16, 1989, p. 48; William Keeling. Liberal Steps Fall Short. — "Financial Times", October 9, 1990, p. 10.

154 "Benin's Second Chance". — "International Herald Tribune", July 6, 1990, p.6.

155 Michaels. Continental Shift, p. 35; Roger Thurow. Decades After Nationalization Drive, Tanzanian Business Clan's Hopes Revive. — "Wall Street Journal", July 23, 1990, p. A4; Neil Henry. Nyerere Bows Out with Tanzania in Deep Decline. — "Washington Post", September 26, 1990, pp. A27-28.

156 Christopher S. Wren. Mandela Group Softens Its Socialism. — "New York Times", October 4, 1990, p. A3.

157 David Houaego. Delhi Considering Radical Easing of Investment Curbs. — "Financial Times", June 29, 1990, p. 6; Sanjoy Hazarika. As India Opens Its Economy, Some Cling to Socialist Ideals. — "New York Times", August 4, 1990, p. Y3.

158 George C. Wilson. Vietnam Appears to Fear a Democracy Movement in Prospect. — "Washington Post", July 19, 1990, p. A28.

159 Leonard I. Weinglass. Asia's Latest Economic Miracle Is Vietnam. — "New York Times", January 20, 1990, p. A18.

160 Barry Wain. Hanoi Embraces Once-Reviled Capitalism. — "Wall Street Journal", May 1, 1990, p. A16.

161 Charles P. Wallace. Vietnam Becoming Less Soviet, More Asian, More Prosperous. — "San Francisco Chronicle", February 22, 1990, p. A19.

162 Emily MacFarquhar. Hanoi Hasty Pudding: Beset by Hunger and Hyperinflation, Vietnam Suddenly Discovers Capitalism

Turning Ho Chi Min's Communism on Its Head. — "US News and World Report", July 23, 1990, p. 38.

163 Barry Wain. Vietnam's Economic Reform Is Still a Delicate Planting. — "Wall Street Journal", May 24, 1989, p. A10.

164 Stuart Butler. Razing the Liberal Plantation. — "National Review", November 10, 1989, p. 27. Шведский экономист Асар Линдбек недавно высказал нечто подобное о собственной стране: "Нередко контроль над квартирной платой оказывается самым эффективным способом разрушения города — за исключением бомбардировки". Цит. в: L. Gordon, Op.cit. p. 10.

165 Robert Pear. Phnom Penh, Eye on West, Tries to Shed Image as Hanoi Puppet. — "New York Times", January 8, 1990, p. 6. См. также Michael J. Horowitz. Toward a New Cambodian Policy. — "American Spectator", June 1990, pp. 24-26.

166 Steven Erlanger. Reports from Phnom Penh Indicate New Instability. — "New York Times", June 24, 1990, p. Y9; Sidney Jones. War and Human Rights in Cambodia. — "New York Review of Books", July 19, 1990, p. 18.

167 "Cambodia No Will, No Way". — "The Economist", March 3, 1990, p. 30.

168 Henry Kamm. Communist Laos Mixes Strict Political Dogma with Capitalist Economics. — "New York Times", January 27, 1990, p. Y4; Jimmy St. Goar. A Whiff of Economic Freedom in Laos. — "Wall Street Journal", March 21, 1990, p. A20; Stan Sesser. A Reporter at Large: Forgotten Country (Laos). — "New Yorker", August 20, 1990, pp. 39-68.

169 Mark A. Uhlig. Cuba Loses Allure for Nicaraguans. — "New York Times", January 18, 1990, p. A1, A10.

170 John F. Burns. Leaders in Kabul Seek a New Image. — "New York Times", May 5, 1990, p. 6.

171 "Asides". — "Wall Street Journal", May 22, 1990, p. A14.

172 Jane Perlez. Ethiopia's Long War Draws Closer to the Capital. — "New York Times", July 21, 1990, p. 5.

173 Associated Press. Ethiopia Rulers Discard Communism. — "The Gazette", Montreal, March 6, 1990, p. A10.

174 "Mozambique War's End". — "The Economist". September 1, 1990, p. 40.

175 Обзор литературы на эту тему см. в: Seymour Martin Lipset. Why No Socialism in the United States? — In: Severin Bialer, Sophia Sluzar (eds.). Sources of Contemporary Radicalism, vol. I, Boulder, Westview Press, 1977, pp. 31-149, 346-363.

176 Tom Kenworthy. Gephardt's New Campaign: Rallying His Party. — "Washington Post National Weekly Edition", May, 7-13, 1990, p. 14.

177 "On Second Thoughts", p. 64; Gwen Ifill. Kemp Assails Senate Funding Curbs. — "Washington Post", September 29, 1990, p. A6.

178 См. Seymour Martin Lipset. Why No Socialism in the United States?. pp. 50-58; Seymour Martin Lipset. Consensus and Conflict. pp. 221-225.

179 Walter Dean Burnham. The United States: The Politics of Heterogeneity. — In: Richard Rose (ed.). Electoral Behavior. New York. Free Press, 1974, p. 718. Автор полагает, что отсутствие значительного социалистического движения в США можно отчасти объяснить жизненной силой классических либеральных, антиэлитистских, индивидуалистических ценностей, связанных с идеологией американской революции. Эти ценности оказались здесь сильнее, чем где бы то ни было. Наоборот, социалистические движения — другая сторона консервативно-элитистской традиции, ориентации на больший коллективизм и принцип "положение обязывает", распространенные в обществах с монархическими и аристократическими традициями.

См. H.G. Wells. *The Future in America*. New York. Harper and Brothers, 1906, pp. 72-76; Louis Hartz. *The Founding of New Societies*. New York. Harcourt. Brace and World, 1964, p. 35; Seymour Martin Lipset. *Continental Divide. The Values and Institutions of the United States and Canada*. New York, Routledge, 1990, pp. 26-29, 149-150.

180 Lipset. *Political Man*. p. 234.

181 Jean Francois Revel. *Without Marx or Jesus*. Garden City. Doubleday, 1971, p. 6.

182 *Ibidem*, pp. 6-7.

183 Обзор литературы о корпоративизме и социал-демократии см. в: Milner, Sweden, pp. 23-31.

184 Lipset. *Consensus and Conflict*. pp. 296-299.

185 Nelson W. Polsby. *Consequences of Party Reform*. New York. Oxford University Press, 1983; Byron E. Shafer. *Quiet Revolution: The Struggle for the Democratic Party and the Shaping of Post-Reform Politics*. New York. Russel Sage Foundation, 1983.

186 Christopher Matthews. *Democrats Look for a Heavyweight*. — "San Francisco Examiner", January 12, 1990. p.A25.

187 Richard Hofstadter. *Anti-Intellectualism in American Life*. New York. Knopf, 1963, p. 29; Seymour Martin Lipset, Richard E. Dobson. *The Intellectual as Critic and Rebel: With Special Reference to the United States and the Soviet Union*. — "Daedalus". Summer 1972, pp. 138-147. См. также "Text of a Pre-Inauguration Memo from Moynihan on Problems Nixon Would Face". — "New York Times", March 11, 1970, pp. 1, 30.

188 Carolyn J. Mooney. *Professors Are Upbeat About Profession But Uncasy About Students Standards. The Chronicle of Higher Education*. November 8, 1989, p. A20. Данные более ранних обследований можно найти в: Everett Carl Ladd, Jr. Seymour

Martin Lipset. *The Divided Academy: Professors and Politics*. New York. Norton. 1976.

189 Garry Abrams. *After the Wall: As New Era Emerges U.S. Political Thinkers Ponder Fate of Marxism*. — "Los Angeles Times", December 6, 1989, pp. E1, E6; Tony Judt. *The Rediscovery of Central Europe*. — "Daedalus". Winter 1990, p. 34. Консервативные взгляды освещаются в: Peter Shaw. *The War Against Intellect: Episodes in the Decline of Discourse*. Iowa City. University of Iowa Press, 1989; Paul Hollander. *The Survival of the Adversary Culture*. New Brunswick. Transaction Book, 1988; Roger Kimball. *Tenured Radicals: How Politics Has Corrupted Higher Education*. New York. Harper and Row, 1990. О радикальных идеях см: Bertell Ollman, Edvard Vernoff (eds.). *The Left Academy: Marxist Scholarship on American Campuses*. New York. McGraw-Hill, 1982; Jonathan M. Wiener. *Radical Historians and the Crisis in American History, 1959-1980*. — "Journal of American History", September 1989, pp. 399-434; Michael Burawoy. *Introduction: The Resurgence of Marxism in American Sociology*. — "American Journal of Sociology" 88 (Supplement 1982), pp. S1-S30; Richard Flacks. *Making History: The Radical Tradition in American Life*. New York. Columbia University Press. 1988. pp. 185-186, 190-191.

190 John Gray. *Fashion, Fantasy or Fiasco?* — "Times Literary Supplement". February 24 - March 2, 1989, p. 183.

191 Gerald Marzorati. *Europe Is Reclaiming the Language of Liberalism*. — "International Herald Tribune", July 11, 1990, p.4.

192 M.F. Perutz. *High on Science*. — "New York Review of Books", August 16, 1990, p. 15.

193 Robert Alter. *Tyrants and Butterflies*. — "New Republic", October 15, 1990, p. 43.

194 Richard Flacks. *The Sociology Liberation Movement: Some Legacies and Lessons*. — "Critical Sociology", Summer 1988, p. 17.

195 Jonathan M. Wiener. *Op. cit.* p. 434.

196 В 1985 г. большинство элиты в средствах массовой информации отождествляло себя с левыми. См. S. Robert Lichter, Stanley Rothman, Linda S. Lichter. *The Media Elite: America's New Power Brokers*. Washington D.C. Adler and Adler. 1986, p. 28.

197 См. Richard Lowenthal. *The Future of the "Social Democratic Consensus"*. — "Dissent", Winter 1982, p. 101.

198 Paul Hollander. *Op. cit.* pp. 16-18.

199 Seymour Martin Lipset. *Consensus and Conflict*. pp. 194-205.

200 О том, как происходили перемены, см. Tony Judt. *Marxism and the French Left*. New York. Oxford University Press. 1986. См также Mark Kesselman. *Lyrical Illusions or a Socialism of Governance: Whither French Socialism?* — In: Ralph Miliband, John Saville, Marcel Liebman, Leo Panitch (eds.). *Socialist Register 1985-1986*. London. Merlin Press. 1986, pp. 240-242.

201 Masakazu Yamazaki. *The Intellectual Community of the Showa Era*. — "Daedalus". Summer 1990, pp. 260-262.

202 Ron Eyerman. *Intellectuals and the State: A Framework for Analysis*. With Special Reference to the United States and Sweden. Unpublished paper. University of Lund, 1990, p. 18.

203 John Gray. *Op. cit.* pp. 183-184.

204 Яркий пример — Джон Гэлбрайт, который на конференции об экономических реформах в странах Восточной Европы (июль 1990 г.) обрушился на "примитивную идеологию" быстрого продвижения к рыночной экономике. Он выступил "со скрытыми нападками на программы приватизации, планируемые некоторыми восточноевропейскими правительствами. ("East Europe Warned Over Fast Economic Change". — "Financial Times". July 6, 1990, p. 2.) См. его же критику происходящего в Восточной Европе в "The Rush to Capitalism" — *New York Review of Books*", October 25, 1990, pp. 51-52.

205 Обзор можно найти в: Marguerite Michaels. *Continental Shift*. — "Time", May 21, 1990, pp. 34-36. См. также Werner Thomas. *Die Guerilleros in Latinamerika Kampfen gegen die Zeit*. — "Die Zeit", July 10, 1990, p. 2.

206 "The New Soviet Man: An Interview with Gerasimov". — "National Review", August 20, 1990, p. 31.

207 Andrey Kozyrev. *Why Soviet Policy Went Sour*. — "New York Times", January 7, 1989, p. 27. Козырев отмечает также, что прямое и косвенное вовлечение Советского Союза в региональные конфликты в "третьем мире" «приводит к колоссальным потерям, так как обостряет общую напряженность в мире, оправдывает гонку вооружений и препятствует установлению взаимовыгодных контактов с Западом».

208 Peter Passel. *Soviet Deputy Prime Minister Is Seeking a Safe Path Through a Time of Change*. — "New York Times", January 1, 1990, p. A23. Позднее тот же довод повторил Николай Петраков, личный экономический советник Горбачева; в интервью от 8 июня 1990 г. он "поддержал уже разработанный проект указа о быстрой денационализации государственной промышленности путем создания рынка ценных бумаг и продажи акций населению". (Bill Keller. *Speedup Change, Soviet Aide Urges*. — "New York Times", June 10, 1990, p. Y12.) Текст более раннего интервью Петракова, в котором излагались те же идеи, см. в: "Can the Russians Really Reform?" — "Fortune", May 7, 1990, pp. 117-122.

209 Michael Dobbs. *A Plan for Two-Year Revolution*. — "Washington Post", September 14, 1990, p. 1.

210 S. Frederick Starr. *Pooped Party*. — "New Republic", December 4, 1989, p. 20.

211 "The Triumph of Capitalism". — "New Perspectives Quarterly", Fall 1989, p. 4.

- 212 Robert Heilbroner. *The Triumph of Capitalism*. — "New Yorker", January 23, 1989, p. 98.
- 213 Robert Heilbroner. *The Triumph of Capitalism*. — "New Perspectives Quarterly", Fall 1989, p. 4.
- 214 *Ibidem*, p. 7.
- 215 *Ibidem*, p. 10. См. Michael Harrington. *Socialism Past and Future*. New York. Arcade Publishing. 1989, pp. 248-278.
- 216 Patrick Wintour. *Kinnock Seeking Strategy*. — "The Guardian", December 21, 1989, p. 6.
- 217 "Eastern Europe Moves Right. No Halfway..." — "The Economist", March 24, 1990, pp. 21-22.
- 218 Sven Steinmo. *Social Democracy*. p. 438.
- 219 Adam Przeworski. *Capitalism and Social Democracy*. p. 206.
- 220 Debray. *What Left of the Left?* p. 27.
- 221 Sven Steinmo. *Political Institutions and Tax Policy in the United States, Sweden and Britain*. — "World Politics", July 1989, p. 504.
- 222 *Ibidem*. p. 509.
- 223 Henry Aaron. *The Impossible Dream Comes True: The New Tax Reform Act*. — "Brookings Review", Winter 1987, p.6. Committee on Ways and Means. U.S. House of Representatives. *Tax Progressivity and Income Distribution*. Washington D.C., U.S. Government Printing Office. 1990, pp. 53-55.
- 224 Свидетельства о том, насколько различна доминантная ориентация в отношении государства в США и других странах, можно найти в: Robert Y. Shapiro, John T. Young. *Public Opinion Toward Social Welfare Policies: The United States*

in *Comparative Perspectives*. — "Research in Micropolitics", vol.3. Greenwich, Conn. JAI Press, 1990, pp. 143-186; "America: A Unique Outlook?" — "American Enterprise", March-April 1990, pp. 113-120.

225 Seymour Martin Lipset. *Continental Divide*. p. 39; Kevin Philips. *The Politics of Rich and Poor. Wealth and the American Electorate in the Reagan Aftermath*. New York. Random House. 1990.

226 Douglas Webber. *Social Democracy and the Re-emergence of Mass Unemployment in Western Europe*. — In: William F. Patterson, Alastair H. Thomas (eds.). *The Future of Social Democracy*. Oxford. Clarendon Press, 1986, pp. 36-49; "Economic and Financial Indicators". — "The Economist", July 21, 1990, p. 101. И наоборот, в США и Канаде в 1973 гг. наблюдался значительно больший прирост вновь созданных рабочих мест, нежели в Японии и в Европе. См. Angus Maddison. *The World Economy in the 20th Century*. Paris. Development Centre of the OECD, 1989, p. 132.

227 "The World's Billionaires". — "Forbes", July 23, 1990, pp. 189, 255; Julianne Slovak. *The Billionaires Rank by New Worth*. — "Fortune", September 11, 1989, pp. 73-133.

228 Seymour Martin Lipset. *Continental Divide*, pp. 129-134.

229 Alastair H. Thomas. *Social Democracy in Scandinavia: Can Dominance be Regained?*. — In: Patterson and Thomas (eds.). *The Future of Social Democracy*. p. 203.

230 L. Gordon Crovitz. *Op. cit.*, p.10.

231 John Burton. *Insurance Against Hard Times Ahead*. — "Financial Times", November 2, 1990, p. 25.

232 Peter Stein. *Sweden: Failure of the Welfare State*. — "Journal of Economic Growth", 214, 1989, p.38.

233 Christofer Matthews. *Democrats..*, p. A25.

234 Charles S. Robb. *New Directions, Enduring Values*. Washington D.C. Democratic Leadership Council, 1988, p. 34.

235 Christofer Matthews. *Democrats...*, p. A25.

236 Joseph Schumpeter. *Capitalism, Socialism and Democracy*. London. Allen and Unwin, 1976, pp. 131-163, 421-425; Irving Kristol. *Two Cheers for Capitalism*. New York Basic Books. 1978, pp. 153-187, 255-270.

237 Irving Kristol. *Two Cheers...*, pp. 186-187.